

ЛЕВ КЛИОТ

РЕКИ СУДЕБ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лев Клиот

Реки судеб человеческих

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Клиот Л.

Реки судеб человеческих / Л. Клиот — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-532-08422-3

Тридцатые годы, маленький городок на Волге. Двое мальчишек, русский и немец. Одна любовь и дружба на всю жизнь. Сороковые, Советский Союз и Германия. И война, которая разбросала молодых людей по разные стороны окопов. Эта история закончится много позже. Кто из мужчин доживет и какую цену заплатит? Это история о вечных ценностях: верности, самопожертвовании, о возможности оставаться людьми даже в страшные времена. О двух таких разных жизнях, объединенных одной судьбой. Художник обложки Roland Krutovs. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-08422-3

© Клиот Л., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2. Курт	29
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лев Клиот

Реки судеб человеческих

Глава 1

Послеобеденное солнце было все еще очень горячим, таким оно бывает в мае, когда лето только на пороге, и к солнечному жару еще не успевают привыкнуть. Солнце накалило борта деревянной лодки, металл весельных уключин и грудь шестнадцатилетнего юноши, устроившегося на корме. Курт Рихтер лежал с закрытыми глазами, закинув правую ногу на борт, и лениво пошевеливал левой, опустив ступню в скопившуюся на дне лодки воду. Солнце пронизывало его веки, заливая глаза красным цветом, и ему казалось, что он видит свою кровь, свою яркую, красную, ликующую кровь. Красное проникало глубже, растекаясь по жилам, несло энергию, которой он и так был переполнен. Впереди лето, свобода, счастье!

– Эй, на судне! – Курт еще не успел, оттолкнувшись ладонью от горячих досок кормового рундука, встать на ноги, а Иван уже столкнул лодку, нос которой цеплялся за неглубокий желто-серый песок пологого берега, в воду, и она тут же, словно обрадовавшись свободе, стала разворачиваться по течению, слегка покачиваясь на мелкой волне. Курт подал Ивану руку, помогая забраться на борт. Ванька справился бы и сам, но в правой руке у него было ведро с черноземом, в котором извивались, дожидаясь своей участи, дождевые черви.

Пятнадцатого мая одна тысяча девятьсот тридцать второго года Курту исполнилось шестнадцать. Иван был старше почти на год, и в ближайшие выходные их семьи и друзья будут праздновать его семнадцатилетие.

У ребят было четыре удочки. Срубленные зимой в орешнике, высушенные в сарае под потолком и затем к весне очищенные от верхнего слоя коры, удилища сушили уже на воздухе, после чего протирали смоченной в масле тряпкой и только после этого красили масляной зеленой краской. Получалась удочка не хуже фабричной. Заправлял этим сложным процессом отец Ивана, Семен Сенцов. Ванька с Куртом помогали на всех этапах производства, суеются часто без толку, но с великим энтузиазмом, и очень радовались финальному результату. Лески были сплетены из конского волоса, а крючки отец Курта купил в Саратове, в Торгсине.

– У нас два дня на то, чтобы мы мою мамку уловом порадовали. Она обещала и пироги с рыбой испечь, и нажарить с картошкой, и нафаршировать ее с... – Иван запнулся. – Ну, она знает чем, ну и уху, конечно, стготовит такую, что не оторвешься.

Ванька поймал насмешливый взгляд приятеля.

– Нет, ну, конечно, и другого всякого на стол соберут: и солений, и мясного навалом будет, не сомневайся.

Он решил, что Курта рассмешило то, что они, два пацана, выступают основными продовольственными снабженцами праздника. Уже смутившись, закончил:

– В общем, накормит она нас – дышать не сможем, – и похлопал себя по плоскому животу. Он был по-юношески тонок, но в мышцах, гладко разлитых под тронутый первым загаром кожей, чувствовалась гибкая сила молодого, хорошо сложенного тела. Светлые густые волосы он зачесывал назад, оставляя широкий лоб открытым, и оттого на худом загорелом лице ярче светились голубые глаза.

Курт был пониже ростом, темноволосый, с широко расставленными карими глазами, и хотя Иван был признанным главным красавчиком в поселке, девушки нередко заглядывались на Курта, даже если ребята были вместе в одной компании. Им была симпатична скромная манера общения молодого человека, не напускная природная деликатность. Все это представляло из себя прямую противоположность бесшабашной раскованности его друга. Их волновала

его улыбка, в ней таилась ведомая лишь женщинам сексуальность; верхняя губа в форме лука и нижняя, чуть полнее верхней, были сжаты в момент, когда он был серьезен, и становились беззащитными и притягательными, когда юноша улыбался. Он не был так тонок и гибок, как Иван, но крепкие ноги и широкая грудь говорили о созревшей мужественности.

Ребята вывели лодку к середине той части реки, которая протекала между берегами города Энгельс и островом Казачий. Иван скинул якорь с носа старенькой, выдавшей виды плоскодонки и, когда та выровнялась, подчиняясь неспешному течению Волги, зафиксировал ее положение, опустив с кормы веревку с замотанным в проволоку куском рельсы. Ловили на червя и, в расчете на шуку, на живца. Ловили до самого вечера, и когда на дне лодки собралась прекрасная компания из двух десятков окуней и плотвы, нескольких щучек, двух полуметровых, блестящих синими спинами жерехов, толстобрюхого язя, парочки лещей и здоровенного, сантиметров под восемьдесят, судака, решили, что пора и честь знать.

– Да, в запасе у нас завтрашний день есть, понадобится – наловим еще, – успокоил себя и друга Иван.

– Теперь все это сохранить надо, – озаботился Курт. Он укладывал рыбу в две матерчатых сумки, набитые мокрой травой.

– Мать их в подполе подержит, не впервой ей. Солью пересыплет, за сутки ничего не случится, а на другой день уже готовить начнет.

Они возвращались к берегу. Песчаный пляж, вдоль которого они проплывали, длясь вдоль реки, переходил в заросли камыша и ракиты. Среди переплетенья коричневого с зеленым, камышового и желтого с салатным ракушечником пряталась небольшая пристань, и от нее к ним навстречу выплыла другая лодка – выкрашенный в бежевый цвет ялик. В ней двое мужчин в военной форме и женщина. Она вскочила на борт тогда, когда ялик уже немного отошел от берега. Видно, ей захотелось, остужая себя, пройтись по воде. Мужчины подхватили ее, и она, взмахнув белыми ножками, словно спрыгивая с качелей, оказалась на борту. Светлое платье намочило и облепило ее бедра, порыв ветра прижал тонкую ткань к телу так, что обозначилась ложбинка между ног.

Курт замер, уставившись на женщину, которая казалась обнаженной в большей степени, чем если бы была вовсе без платья. Материя не скрывала тонкую, перехваченную узким пояском, талию, небольшие, словно стремящиеся вверх острыми сосками, груди. Она, не обратив внимание на четыре мужские руки, подхватившие ее за талию и круглую попку, не присела, оказавшись в начавшей движение лодке, а осталась стоять. Закинув вверх руки, поправила высоко заколотые русые волосы. Она увидела мальчишек, повернув в их сторону свою аккуратную головку, и вдруг звонко рассмеялась:

– Айда с нами, беленький красотуля! – Иван как-то странно дернулся и сделал вид, что возится с веслом, зацепившим на мелководье тину. – И немчика с собой прихвати.

То ли солнце, до конца не зашедшее, то ли уже луна осветила ее белую шею, яркие зеленые глаза, все такое чувственное, волнующее каждым движением, тело. Курт ошарашенно пролепетал:

– Красавица.

– Ангелина Левандовская, – уточнил Иван.

Один из мужчин, властным движением ухватив ее за руку, усадил на скамейку, и оба военных посмотрели в сторону мальчишек такими мрачными, угрожающими взглядами, что Иван в два гребка достиг берега, а лодка с девушкой ушла к острову Казачьему.

– Ангелина! – Курт произнес имя женщины нараспев, словно пробуя его на вкус.

Иван рассмеялся:

– Что, представил себя вместе с ними, и она у тебя на коленях? – и ткнул пальцем в направлении явственно обозначившегося холмика на черных трусиках приятеля. Курт с досадой отвернулся, приводя свое состояние в норму.

– А ты, можно подумать, не то же самое? – Курт наклонился, перегнувшись через борт, плеснул в лицо воды и закончил: – Не то же самое чувствуешь, я же...

Иван прервал его:

– Ты не тушуйся, можешь о ней помечтать в ночной тишине, а у меня конкретный план есть, как ее расстелить.

– Ты? Да ты что, Ванька? Ты – сопляк, за ней командиры ухаживают, мужики в полной силе.

– Ну да, ухаживают, вон в тех кустах, – он указал на остров, весь берег которого утопал в густых зарослях плакучей ивы.

– Ухаживают, – повторил и добавил, сузив глаза: – По очереди.

Курт возмутился:

– Ты – как все, если женщина красивая, то сразу – такая, и потом, если она с ними собралась делать, ну, то, что ты говоришь, зачем нас позвала?

Ванька снова рассмеялся:

– Да потому что я ей нравлюсь. Понял, счетовод? Ты хоть всего-то на год меня младше, а понятие про баб, как у пятилетнего. Я тебя классифицирую как человека наивного прямоходящего.

Счетоводом Курта прозвали из-за того, что его отец, человек в городе известный, работал начальником отдела статистики администрации Автономной республики немцев Поволжья.

– Ты что, ее знаешь? – Курт смотрел вслед удаляющейся лодке.

Иван усмехнулся и, ухватив друга за подбородок, развернул его голову к себе.

– Она работает там же, где и твой батя – в доме Думлера.

Так называлось здание администрации автономии.

– Ангелина – гулена, все о ней так говорят, и мамка моя. Она как-то с батей за ужином про нее слово закинула, так аж кипела вся, а батя только усы поглаживал, не возражал. Пацаны тоже промеж себя рассказывали, что видели, как ее по Волге катают, а теперь и нам с тобой, дуралей, посчастливилось вживую эту картинку наблюдать. Она в техническом отделе секретаршей служит. Я с отцом там был несколько раз, видел ее, со мной она веселая всегда была, вроде заметила, ну и вот на той неделе взял да и пригласил ее на свой день рождения. Мамка не знает, а батя... Я при нем ей сказал: «Приходите, Ангелина Каземировна!» Ну и так как-то, мол, не обидите?

– И она согласилась?

– Да запросто. Улыбнулась и головкой кивнула.

– Ага, а батя снова усы поправил?

– Батя аж поперхнулся, но ничего не сказал.

– Ну, а план-то в чем?

– Ну, пока в деталях не придумал, а только я прикоснусь к ней, обещаю, хоть раз, но прикоснусь!

– Всего-то? Прикоснусь? Что ж это за план? Так и я пройду мимо и так, невзначай, тоже прикоснусь.

– Ну ты, парень, и вправду малахольный! Я что ж тебе, как обозначить должен то, что хочу с ней сделать? Это я культурную аллегория употребил – прикоснусь. У тебя как с литературой?

– Да все у меня с литературой нормально. А в твое прикоснусь не верю, что всерьез у тебя с такой получится, и в то, что такая с любым так может.

– Не веришь – не верь! Все, давай делом займемся.

И друзья, привязав лодку к свае причала, отправились к дому Сенцовых, прихватив сумки с рыбой, удочки и весла.

Отец Курта, Бертольд Рихтер, появился в Поволжье в одна тысяча девятьсот пятнадцатом в качестве проходящего лечение военнопленного.

В одна тысяча девятьсот четырнадцатом, только что окончив Берлинский университет Фридриха Вильгельма, поддавшись патриотическому порыву, словно пожар распространившемуся в студенческой среде с началом вступления Германии в Первую мировую войну, он записался добровольцем в армию. Его родители не успели отговорить сына от принятия такого решения. Отец Бертольда, крупный промышленник, снабжавший войска кайзера амуницией, топливом и продовольствием, пытался как-то повлиять на судьбу новобранца, пользуясь большим влиянием в высших эшелонах армейского руководства. Но события развивались слишком быстро, и пока он хлопотал о том, чтобы Бертольд не попал непосредственно на фронт в самую горячую пору ожесточенного противостояния армий, вступивших в сражения с особым азартом еще свежих, не испытавших всего ужаса самой кровопролитной войны в истории, юноша уже принял участие в битве у города Гумбиннена.

Он очнулся оттого, что сильно потрянуло повозку, на которой его и еще человек пять везли куда-то, явно удаляясь от поля боя. Канонада еще не стихла, но не была такой интенсивной, как в те часы, когда он только вступил в этот свой первый и последний бой. Рядом с повозкой шло множество безоружных немецких солдат, за ними виднелись сопровождавшие их русские конные казаки. Колонна военнопленных растянулась на сотни метров и, медленно, извиваясь, втягивалась в большое село, улицы которого были заполнены полевыми кухнями, лошадьми, солдатами, повозками с ранеными. Бертольд плохо помнил первые дни в госпитале, операцию, которую провел русский доктор, только коротко поговоривший с ним на настоящем немецком языке:

– Ну что, горе-воин, отнимем ногу или попробуем оставить?

Бертольд с ужасом уставился на усталое лицо наклонившегося над ним уже не молодого хирурга. Этот человек в заляпанном кровью и чем-то желтым халате смотрел на своего пациента, подняв руки в резиновых перчатках, и ждал, видимо, ответа, в котором должна была быть решимость. Старый доктор был человеком чести и для него было важно понять, готов раненый сопротивляться своей беде, трагедии, которая его настигла, или сдался и покорился судьбе? У хирурга было мало времени. Раненых подвозили непрерывно и одно дело – ампутация, быстрое и несложное действие, другое – операция, которая требует терпения, филигранного умения собирать осколки кости, сшивать разорванные сосуды и плоть, и восстанавливать изувеченное тело в той мере, в которой это вообще возможно.

– Умоляю, доктор! Оставьте ногу, умоляю! – вот все, что он произнес до того, как потерял сознание от ужаса, забравшегося куда-то вниз живота, неиспытанного прежде, а на самом деле – от марлевой маски с хлороформом.

«Инвалид! Я инвалид!» – было первое, что обрушилось на него после того, как он очнулся на раскладной койке в палатке с красным крестом, и тут же пришла заполнившая грудь радость, когда он рукой нащупал свою ногу, всю в бинтах, но всю, до ступни, которую почувствовал, до пальцев, которыми сумел шевельнуть. Доктор спас его, но коленная чашечка была раздроблена столь основательно, что передвигаться Бертольд впоследствии сможет только с тростью, прихрамывая, с невозможностью полноценно согнуть ногу в собранном добрым доктором колене. Ему повезло еще и в том, что в начальный период войны к пленным, и особенно к раненым, отношение было в некотором смысле даже рыцарским. Раненый воин! В этом понятии присутствовала честь, воинская честь, ну и еще к нему добавлялось чисто русское – сэрдобольность, милосердие к несчастным, к страдающим.

Весной одна тысяча девятьсот пятнадцатого года Бертольд после госпиталей, длинных перегонов, теплушек, холодных полустанков оказался в небольшом поселке возле города Покровск. Рихтера поместили в местную больничку и впервые за эти долгие месяцы его окру-

жили по-настоящему теплой заботой. Сестрами милосердия в этой, приспособленной под перевалочный госпиталь, небольшой поселковой больнице, пожалуй, больше подходящей под определение медпункта, работали под эгидой Красного креста немки. Эльза Кристофер, тоненькая светловолосая девочка, летала среди раненых, словно пташка, с неизменной улыбкой на милом, усыпанном веснушками лице. Ей едва исполнилось семнадцать лет и она, пройдя ускоренные курсы сестер милосердия, получив право работать в госпитале «сестрой по уходу», была вся наполнена этой такой взрослой, такой важной и уже вполне профессиональной ответственностью. Несколько небольших палат заполняли в основном русские солдаты и офицеры. Кроме них было трое пленных: один чех, один австриец и один немец, Бертольд Рихтер. Эльза старалась быть одинаково заботливой, внимательной и радушной со всеми своими подопечными, но Бертольд с первой минуты, с первого прикосновения, прикосновения, разумеется, связанного с медицинской необходимостью, запал в ее юную душу, и она, по-детски наивная, ничуть не тронутая открывшейся ей мужской обнаженностью, беспомощностью тяжело раненных и скабрзностью выздоравливающих, провожающих ее гибкую фигурку взглядами, не скрывающими вожделения мужчин, думала об этом молодом парне беспрестанно.

Он отличался от других, от всех, кого она прежде знала, и не только потому, что он немец, настоящий немец из Германии. Он был ученым человеком, она сразу поняла это по его речи, по тому, как он к ней обращался, по книгам, которые ему привозил доктор, навещающий по долгу службы из Саратова раз в несколько дней. Доктор, тоже немец, имел собственную библиотеку и ему, также как и ей, было очень интересно поговорить с парнем, окончившим Берлинский университет, с тем, кого он с некоторой натяжкой мог назвать соотечественником, прибывшим к ним на Волгу из той, другой жизни, той, которой жила когда-то покинутая ими родина.

Эльза думала о молодом человеке, но никак не связывала свои мысли с возможностью сблизиться с ним, слишком разными, по ее мнению, были их миры, слишком далек он был от простой сельской действительности, в которой жила она и все ее окружение. Никак эта девочка не могла предположить, что Бертольд с замиранием сердца ожидал каждого ее приближения, каждого, даже самого короткого, с ней разговора. Он придумывал причину для того, чтобы обратиться к Эльзе с какой-нибудь просьбой, но боялся делать это слишком часто, оттого за день позволял себе попросить ее один или два раза.

– Не могли бы вы принести мне... – и что-нибудь такое придумывал несущественное, иголку с ниткой, или листок бумаги, и тогда уж и новое перо, и чернила, которые у него неожиданно быстро заканчивались.

– Да, пожалуйста, конечно, я могу, – отвечала Эльза и незамедлительно выполняла просьбу молодого человека.

И вот, однажды, когда он уже сносно передвигался с палочкой, которую ему передал по наследству выписавшийся сосед по палате, они с Эльзой оказались одни в подсобном помещении, заполненном стеллажами с постельным бельем, полотенцами, коробками с бинтами, с постиранными и поглаженными рубашками, кальсонами и байковыми стиранными-перестиранными халатами, в которых щеголяли ходячие пациенты. Оказались они там неслучайно. Эльза выбрала минутку, когда старшая сестра и нянечки отсутствовали, и позвала Бертольда в подсобку выбрать себе пару нового белья. В какой-то момент в узком проходе тесного помещения они оказались лицом к лицу и Бертольд, ощутив рядом с собой ее дыхание, запах ее волос, испуганный, но зовущий взгляд, охватил рукой тонкую талию, притянул к себе и лишь коснулся губами ее щеки.

Эльза, и так вся напряженная и своей смелостью, и неуверенностью в том, что может произойти, от этого объятия, от прикосновения его сухих горячих губ чуть не потеряла сознания и, не совладав с собой, опустила на колени. Бертольд в испуге тут же попытался последо-

вать за ней, но несгибающаяся нога не позволила ему это сделать, и он, неловко держась одной рукой за трость, другой приподнял девушку и, уже выпрямившуюся, прижал к себе по-настоящему, прижал всю ее тонкую фигурку так плотно, как только мог. Ее готовность к ласкам затуманила сознание, и он, не сдерживаясь, целовал ее запрокинутое лицо, провел рукой вдоль горячего, дрожащего тела, ощутил в ладони грудь, с удивлением обнаружив, что способен в такой момент что-то оценивать, которая оказалась более зрелой, чем представлялось ему, под затянутым передником и строгим, с воротом под горлышко, платьем.

Не встречая сопротивления, он продолжил знакомство с таким желанным и неизведанным естеством, и лишь когда коснулся металлической застежки на подвязке, окружавшей ее бедро, почему-то остановился. Эта техническая деталь поставила его в тупик. Сестры строго соблюдали форму одежды, которая должна была наименьшим образом смущать мужское окружение, и носили чулки даже летом.

И все-таки он был не в силах оторваться от Эльзы, ее покорность, встречное движение бедер возбуждали его непреходящей силой, и вдруг Бертольд неожиданно для себя прошептал ей на ушко, используя форму вопроса, ставшую привычной:

– Эльза, не могли бы вы... выйти за меня замуж?

И она в тон ему, не задумываясь, ответила:

– Да, пожалуйста, конечно, я могу.

Тут только до них дошли несуразность формы и самого предложения, и ее согласия. Сначала она прыснула со смеха, а потом рассмеялся и он. Они смеялись, сбрасывая с себя напряжение этих минут, необычного для обоих возбуждения. Привела их в чувство заглянувшая в подсобку старшая медсестра:

– Что тут за веселье? Ну-ка, душа моя, марш в приемный покой, к нам новых раненых привезли.

Любовь, вспыхнувшую между молодыми людьми, скрыть было невозможно. Семья Эльзы приняла Бертольда в семейный круг и потому, что с уважением отнеслась к чувству своей дочери, к ее выбору, и потому, что рада была получить в дом такого мужчину – образованного, сильного и преданного. Этому способствовала и чисто практическая юридическая составляющая, благоприятно повлиявшая на решение домочадцев Эльзы и на согласие местных властей.

Положение о военнопленных к тому времени предполагало возможность принятия в те хозяйства, из которых были призваны мужчины на воинскую службу и отправлены на фронт, помощников из числа военнопленных с проживанием в их подворье и содержание их по усмотрению принявших их семей. В доме Эльзы в армию были призваны двое братьев. Им довелось служить на кавказском фронте, воевать против турок. Оба они оказались во вспомогательных частях, занимались обслуживанием тылов наступающей армии, а с продвижением кавказского корпуса вглубь Турции восстановлением разрушенной войной инфраструктуры. Там по окончании войны они оба и остались, найдя себе и дом, и занятие по душе. Бертольд и Эльза поженились в том же одна тысяча девятьсот пятнадцатом году. Рихтер был привлечен к работе в управе поселения в качестве экономиста. Он быстро привел в порядок документацию, помог проанализировать работу поселкового хозяйства, и с первых же отчетов, поданных в администрацию районного центра в городе Покровск, был замечен руководством.

В конце одна тысяча девятьсот пятнадцатого года в поселок вернулся после тяжелого ранения Семен Сенцов. Его дом соседствовал с домом Кристоферов. Их семьи, и прежде жившие в добром содружестве, сблизилась еще более, и этому способствовали необычные для тех времен обстоятельства. Казалось бы, Сенцов, получивший ранение в боях с немцами на

западном фронте, должен был бы испытывать к Бертольду если не ненависть, то по крайней мере неприязнь. Но к тому времени в сознании повоевавших солдат и с той, и с другой стороны отношение друг к другу были уже иным, уже не было того первоначального ожесточения, которое патриотическая пропаганда порождала в их умах на первом этапе военных действий. Уже стали возможными братания русских и немецких солдат, уже появились сомнения в умах многих из них о целях войны, ее бессмысленной жестокости, пренебрежении к человеческой жизни.

Бертольд, к этому времени вполне сносно говоривший по-русски, с первой встречи с соседом почувствовал к нему симпатию, увидел в Семене человека думающего, грамотного, человека широких взглядов. Сенцов закончил саратовское техническое училище и хорошо разбирался в сельскохозяйственной технике, а на фронте ему довелось повоевать в составе взвода броневедомостей английского производства «Остин». Особенно сблизила этих двух мужчин история, как раз связанная с техникой.

В одном из хозяйств, оставленных владельцами, людьми состоятельными, но с началом войны эмигрировавшими в Америку и впоследствии так никогда и не вернувшимися в Россию, в ангаре, кирпичном основательном строении с крытой железом крышей, обнаружился американский трактор. Совершенно новый, в заводской упаковке американский трактор Holt 75. Время было революционное, шел одна тысяча девятьсот восемнадцатый год, и к имуществу бежавших из России господ отношение было соответствующим.

Хозяева, американцы немецкого происхождения, волею судьбы заброшенные в начале века в колонию немцев Поволжья, выписали чудо-машину прямо перед войной и уехали в самом ее начале обратно к себе на родину в надежде вернуться после того, как прекратится этот кошмар. Их испугала вероятность ухудшения отношения к российским немцам со стороны властей, но еще больше – со стороны русских соседей.

Все инструкции к этой громоздкой полугусеничной машине были написаны на английском языке. Сенцову, как лучшему специалисту, знакомому ко всему и с бронетехникой иностранного производства, поселковое товарищество поручило этот чудесный американский механизм освоить и применить по назначению для пахоты.

В колонии на территории в пять тысяч десятин выращивали пшеницу и рожь, и трактор представлялся сельчанам просто фантастическим богатырем, который ускорит и облегчит их труд. Да и дорогу зимой расчистит, и лес вывезет с делянок. И хоть трактор был новым, без повреждений, и в полной комплектации, эксплуатировать его, приготовить к запуску, обслуживать надо было поучиться, и Семен попросил Бертольда помочь ему с переводом толстой книжки инструкций по его эксплуатации. Бертольд свободно говорил по-английски, и если каких-то специальных технических слов не знал, то вместе они дополняли этот пробел, прибегая к своей сообразительности и логике. Оба молодых человека, увлекшись необычным техническим агрегатом, просиживали в ангаре до глубокой ночи. Жены приносили им домашнюю снедь, и ужин превращался в посиделки. Женам тоже было интересно посмотреть на блестящего коричневого краской, невиданного ими прежде железного коня.

Первый запуск двигателя и первый проезд по поселку до края полей вылился в большой праздник. Отметить это событие собрался весь поселок. Друзей чествовали как героев.

Дружба родителей передалась и детям. Подрастая, Иван и Курт были неразлучны. Им в полной мере были доступны все развлечения сельской жизни. При этом Курт посещал театральный кружок и изостудию, он хорошо рисовал и мечтал стать художником, Иван при общей их школе – секцию гимнастики.

Положение Бертольда после революционного одна тысяча девятьсот семнадцатого года изменилось. Власть рабочих и крестьян считала бывших солдат, ставших военнопленными, пострадавшими от развязанной капиталистами войны и наделила общими гражданскими правами тех, кто пожелал остаться в новой России на постоянное проживание. Бертольду была предоставлена возможность вместе с баварскими немцами, оказавшимися в плену, вернуться на родину, но он, к ужасу своих родителей, отказался, предпочел прожить жизнь в России с любимой женщиной.

Письма из Германии доходили до них с долгими задержками, чаще с оказией, но все-таки связь с родиной Рихтер не прерывал.

В двадцать первом – двадцать втором годах, когда на Поволжье обрушился страшный голод, посылки с продовольствием от родных из Германии, пересылаемые с помощью Красного креста, оказались большим подспорьем, и Рихтеры делились, чем могли, с Сенцовыми. Семен старался не оставаться в долгу, благодаря тому, что был незаменим в обслуживании техники, он получал усиленный паек, что-то перепадало и от тех его клиентов, у которых дела шли получше и которые нуждались в его помощи. Так они, поддерживая друг друга, пережили страшное время.

В конце двадцатых Бертольд с семьей переехал в Покровск и занял должность начальника отдела статистики. Семен был у них частым гостем, приезжая в город по делам, и просто для того, чтобы навестить друзей. Он создал центральную станцию технического обслуживания сельхозтехники, позже преобразованную в МТС, которую и возглавил.

Курт все лето проводил в поселке с Иваном. Кроме рыбалки, которая была их любимым занятием, были и другие увлечения. Курт участвовал в постановках местного драмкружка. В немецких поселениях театру уделялось большое внимание. Вокруг этих самодеятельных постановок собиралась веселая шумная компания. Завязывались отношения у ребят с девочками, часто это были серьезные любовные истории. И если Курт был в этом плане очень застенчивым пареньком, его друг, Иван, хоть и не участвовал в театральной жизни, был принят в компанию молодых людей и пользовался у девушек повышенным вниманием.

Он был красив, остер на язык и легко сходился с противоположным полом. В первый же вечер мог совершенно непринужденно поцеловать свою подружку, и его руки легко достигали тех потаенных девичьих прелестей, до которых другим тающая в его объятиях девчонка дотронуться никогда бы не позволила.

В одна тысяча девятьсот тридцатом году Сенцовы получили квартиру в Покровске, но день рождения Ивана, его семнадцатилетие, отмечали в поселке, в деревенском доме. Гостей собралось много, и в зале пришлось поставить второй стол. За ним, шумно двигая наспех собранные у соседей разношерстные стулья и табуретки, расселись одноклассники, ребята из драмкружка и приятели Ивана из спортивной секции. За взрослым столом было не так тесно, присутствовали коллеги и родственники Сенцовых, их общие с Бертольдом друзья.

Ангелина появилась на пороге тогда, когда уже прозвучали поздравления и напутственные речи взрослых, когда уже началась веселая застольная суета, по-второму и третьему разу наполнились граненые стопки за родительским столом и опустела распробованная молодежью бутылка массандровского портвейна. Уже унесли тарелки, распрощавшиеся с плескавшейся в них наваристой, наполненной пряностями ухой, уже закусили ветчиной, специально припасенной Кристоферами из полученной заграничной посылки, и на очереди дожидались своего бенефиса фаршированная и жареная рыба.

Еще никто не мог представить, что всего через несколько месяцев в Поволжье начнется катастрофическая нехватка продуктов и вновь, почти как десятилетие тому назад, обрушится на людей голод, который унесет сотни тысяч жизней.

Но в этот день за столом, обильно уставленным разносолами, царило безмятежное веселье. Впрочем, Ивана безмятежным назвать было бы опрометчиво. Он был внешне весел, разговорчив, с удовольствием принимал поздравления от друзей и снисходительно отвечал на влюбленные взгляды девчонок, но то и дело оглядывался на входную дверь. Он ждал ее, приглашенную как бы мимоходом, почти шутливо, эту женщину, ответившую ему согласием. Его позвал к своему столу отец, хотел представить своим друзьям и налить рюмочку, как он считал, настоящей выпивки, а не какой-то предназначенной для женщин сладенькой «Массандры».

В этот момент и вошла Ангелина. Она была в сером, прямого покроя платье с высоким, окружавшим шею воротом. Задержалась на секунду у порога, обвела зеленоглазо собравшихся в зале, и после бархатного «здравствуйте» поклонилась всем обернувшимся к ней гостям и улыбнулась. Не задерживаясь более у входа, прошла к столу, за которым притихла секунду назад шумливая компания молодежи, и уселась рядом с Куртом на освободившееся место Ивана. И хоть была она в самом скромном своем наряде, все-таки к совсем молодому человеку, практически мальчику, на день рождения шла, а хватило тех нескольких шагов к столу, нескольких ее движений, чтобы не осталось сомнений ни у кого, кто обернулся к этой женщине, в том, что, увидев такую раз, не забудешь и не спутаешь с другой никогда. Ей ничего не нужно было делать специально для того, чтобы вызвать к себе интерес сильного пола, она этот интерес вызывала каждым своим движением, непринужденным, безо всякой цели. Эта врожденная грация первоклассной самки была наповал.

В комнате повисла тишина. Мужчины уткнулись взглядом в тарелки, женщины поджали губы. Эта девушка, попытавшаяся скрыть себя под серой, ничем не приукрашенной материей, словно жаром от раскаленной печки наполнила пространство такой притягательной женской силой, что присутствовавшим потребовалось время для того, чтобы совладать с нахлынувшими на них чувствами.

Обстановку разрядила хозяйка. Алевтина Артемьевна Сенцова была женщиной основательной. Дом содержала, придерживаясь заведенному ею кодексу. Все должно было быть правильно. И вещи на местах, и распорядок нерушимый: обед, завтрак, ужин всей семьей за одним столом, и гости всегда должны быть дорогими, и приняты как положено. И эта смутившая всех женщина не выпадала в ее представлении из принятого ею порядка. Любовь Артемьевна сама поднесла гостю тарелку горячей дымящейся ухи, поставила перед ней с поклоном и почему-то не отошла, осталась подле стоять. Ангелина с удовольствием вдохнула аппетитный запах угощения, а затем потянулась к блюду с хлебом, что стояло поодаль, потянулась и прижалась к сидящему рядом Курту, прижалась к его плечу грудью, да так, что слегка подвинула его, ошарашенного, оглушенного исходящим от нее ароматом духов, вымытых душистых волос, еще чем-то неясным, сладким, а она лишь шепнула ему в ушко:

– Поддай хлеба, немчик! – Ангелина аккуратно зачерпнула уху и, чтоб не пролить, подложила хлебный ломтик под ложку. Попробовав, обернулась к хозяйке в уверенности, что та стоит рядом, и таким задорным, таким свойским, дружелюбным и благодарным тоном произнесла, откуда-то зная хозяйкино имя:

– Алевтина Артемьевна, я такой вкуснятины в жизни не ела!

И Алевтина оттаяла, разулыбалась, замахала руками:

– Ешьте на здоровье, я вам еще подолью!

А Ангелина продолжила, указав на тарелку:

– Никогда так не смогу приготовить, вы б меня поучили.

– Так, конечно, с удовольствием, только моя роль тут вторая. Тут мальчишек просить надо, чтоб такой рыбки наловили, с которой любая хозяйка стоговит не хуже, – и она погладила по волосам Курта и затем показала на Ивана, – вон этих двоих благодарить надо.

Гости, словно отмерев после детской игры «замри», вернулись к хорошему расположению духа и все наперебой стали советовать, как правильно сварить уху, какие секреты кто знает и к кому в ближайшее время на какой праздник следует всем явиться и отпробовать именно их особо приготовленного блюда. Курт сидел, боясь шевельнуться. Она все еще была рядом, он чувствовал ее теплое бедро, которое будто невзначай то и дело касалось его ноги. Его все еще обволакивал исходивший от нее аромат, но самое главное, он не мог забыть прикосновения мягкой и одновременно упругой груди.

– Вот я и прикоснулся, – все время вертелось у него в голове. – Вот я к ней и прикоснулся. Подошел Иван. Ангелина всполошилась:

– Ванечка, я ведь тебя не поздравила и место твое заняла, вот я какая невнимательная нахалка.

Иван положил на плечи Ангелины руки, останавливая ее попытку освободить стул. А она что-то сняла со своей шеи каким-то неуловимым движением, словно поправила прическу, затем, по-кошачьи вывернувшись из под рук Ивана, оказалась с ним лицом к лицу и надела ему на шею цепочку с крестиком, потом поцеловала в щеку и в другую, и замерла у его уха, на секунду прошептав:

– Цепочка золотая, крестик оловянный, носи, не снимая, они спасут тебя!

Так это все быстро произошло, что почти никто этого ее движения и короткого ее слова не заметил. А Ангелина попробовала рыбки фаршированной и рыбки печеной, так же восторженно о них отозвалась, глянула на часики, опоясывающие золотым браслетом ее руку, и засобиралась, как она сказала, на работу по особой необходимости. Гости, к тому времени уже и хорошо выпив, и поев, были добродушны, веселы и заняты друг другом, так что на уход красавицы внимания уже особого не обратили, только Алевтина всполохнулась:

– Да что же вы так рано? Да найдете время, приходите, покашеварим, все вам передам с превеликим удовольствием.

Курт с Иваном собрались ее проводить. Но Ванька остановил друга:

– Оставь, я ей сказать хочу, сам провожу.

Иван с Ангелиной вышли на крыльцо, она протянула ему руку, прощаясь, он сжал ее пальчики, не отпустил:

– Вы очень уж дорогой подарок мне сделали, но я знаю, что если цепочка с крестиком, отказываться грех.

Ангелина рассмеялась, ничего не ответила, но руку не забрала. Иван оглянулся на дверь, волнуясь о том, что если следом за ними кто-то выйдет, то он не успеет сказать девушке самое важное и вообще, то, что они стоят так близко друг к другу и рука ее в его руке, выглядело, как ему казалось, опасно. В его голове бушевало пламя, мешая произнести те несколько простых слов, которые он, всегда такой острый и быстрый на язык, наконец, запинаясь, с трудом выдавил из себя:

– Вам моя мать подсказала, кого надо просить рыбки наловить, может быть, вы с нами порыбачите? Мы вас всему научим, сами наловите, сами потом и уху сварите.

Он хотел пошутить, но вышло несмешно, ни он, ни она не улыбнулись. Во рту стало сухо так, что он с трудом проглотил комок в горле. Ангелина, наконец, забрала руку, посмотрела на него долгим взглядом и, уже отстранившись, уходя кинула, словно круг утопающему:

– Завтра в пять, там же.

Иван стоял, сжимая под рубашкой цепочку, стоял, глядя в ту сторону, куда ушла эта девушка. Как ее правильно называть? Он задумался. Когда впервые ее видишь – девчонка-девчонкой, а чуть приглядишься, рядом окажешься, чувствуешь – не подходит ей называться «девушкой», «девочкой», нет, только женщиной. И тут его пронзило: «Вот я дурак! Там же! Что она такое имела ввиду – там же»? Они ведь не договаривались о месте встречи, и вдруг

понял, что означало это «там же». Там, где они видели ее с теми двумя. Догадался, что она этим «там же» хотела сказать:

– Вы меня видели там с мужчинами, вы все поняли и вы хотите того же, так приходите.

Ивану стало так жарко, что пришлось расстегнуть и так неплотно застегнутую у ворота рубашку. «Завтра в пять, дожить бы».

И он вернулся в дом.

Алевтина крутилась у столов, старалась, чтобы никто из гостей не был обделен угощением. Лишь уступая просьбе мужа, присаживалась возле него на минутку, отламывала кусочек хлеба, цепляла вилкой кружок колбаски, дольку огурчика, ела, продолжая оглядывать гостей, все ли заняты общением, все ли довольны, и только на друга их Бертольда, что сидел по правую руку от хозяина, не удосужилась глянуть попристальной, считала, что он под опекой Семена, а значит, и без нее справятся.

Шестой год пошел с того дня, как не стало Эльзы. Неудачные роды. После появления на свет Курта Эльза мечтала о дочке, но забеременела только тогда, когда Курту было уже десять лет. Погиб и ребенок. Бертольд от страшного потрясения слег. Смерть жены и не родившейся дочки надорвала ему сердце. С тех пор он так до конца и не оправился. Алевтина по одной только ей ведомой причине несла в себе ощущение вины перед этой трагедией. Ей казалось, что она чего-то не досмотрела, не посоветовала вовремя, не оградила подругу от беды. Видно, какая-то женская порука мерещилась ей в этом деле, в деле рождения детей. И не то, чтобы к этой своей вине она прилепляла и мужскую вину, вину мужа Эльзы, но с тех пор относилась к Бертольду и с состраданием, и с глубоко спрятанным в ее душе укором.

Может быть, и в этот раз те самые, скрытые от посторонних глаз пружины отстраняли ее, так заботящуюся о гостях, от того, чтобы обратить внимание на Рихтера. Но когда, все-таки обернувшись к мужу с какой-то просьбой, остановила взгляд на бледном лице Бертольда, осеклась и, приблизившись к самому мужнину уху, прошептала:

– Сема, а что это с ним?

Семен глянул на нее вопросительно:

– Ты о чем? – сообразив, что жена говорит о Рихтере, удивился: – Так ведь он не пьет, чего ему веселиться?

Хотел отшутиться, но почувствовал, жена взволнована не зря.

– Да на нем лица нет, ты бы поменьше опрокидывал, да на дружка своего внимание обратил.

Семен хмыкнул:

– Да я и не пил по-серьезному, так, две-три рюмки.

Он обернулся к Бертольду:

– Ты, брат, чего такой скучный? Может, плохо себя чувствуешь, а может, все-таки по рюмашечке? Она, зловредная, от любой хвори помогает.

Бертольд помолчал, собрался что-то сказать, но лишь тяжело вздохнул.

Семен удивился тому, что с начала застолья не обратил внимания на то, в каком удрученном состоянии находится его друг. Вот Алевтина, бабий глаз, та с ходу углядела. Он уже всем корпусом развернулся к Бертольду:

– Эй, друже, ну-ка выкладывай, что стряслось? Неужто от меня тайны свои прячешь?

Бертольд покрутил в руке стоявшую перед ним пустую рюмку и, словно преодолевая себя, произнес:

– Поговорить надо, но не здесь, и потом, ты выпил, может завтра?

Необычное напряжение в голосе, бледное, почти белое, лицо Рихтера уже по-настоящему встревожило Семена, и хмель, что бродил в голове после нескольких рюмок беленькой, от предчувствия недоброго выветрился, словно его и не было.

– Я в порядке, пойдем ко мне, все расскажешь, нечего от старого приятеля таиться.

В гараже, пристроенном к дому, у Семена был отгорожен угол, самое уютное в его понимании место, что-то среднее между кабинетом и мастерской. Служебный Форд-А занимал большую часть помещения, стены были увешаны инструментом, на самодельных полках теснили друг друга книги вперемешку художественные и технические, все потрепанные, понятно было, что ни одна из них не была обойдена вниманием хозяина. Семен уселся в кресло у стола, Бертольд устроился на стареньком продавленном кожаном диванчике. Семен закурил, предложил папиросу Рихтеру, тот махнул рукой:

– Мне нельзя, теперь уж строго.

Семен знал, что у Бертольда были сложности с сердцем, но тот, заядлый курильщик, бросить так, чтобы насовсем, не смог, ну и уж после застолья не выкурить папироску... Стало быть, дела со здоровьем у него серьезные. Но Рихтер начал с другого:

– Семен, мы друзья, давние друзья, – он делал между словами паузы, как бы примериваясь к тому, чтобы правильнее эти слова выстроить.

– То, что я тебе скажу, а высказать это я могу только тебе, – он снова помолчал, пауза затянулась.

Семен сделал рукой приглашающий жест: «Давай, парень, не тяни».

И Бертольд продолжил:

– Видишь ли, для меня вопрос, вправе ли я посвящать тебя в историю, которая в наше сам понимаешь какое время, когда или в «марксисты-ленинцы» угодишь, или в «старые специалисты», может для тебя и для твоей семьи оказаться опасной, – он посмотрел на Сенцова вопрошающим взглядом, как бы спрашивая, не остановиться ли?

– Прекрати политесы разводить, говори прямо, иначе посчитаю, что ты мне в доверии отказываешь.

– Семен, ты знаешь, что у меня в Германии остались родственники, отец и мать. Был брат, но он погиб на войне. Есть двоюродные сестры и племянник отца, сын его брата, то есть моего дяди, – Бертольд запнулся, – не в этом суть, я имею в виду, не в перечислении моей родни. Впрочем, без этого не получится объяснить последующие события. Мои родители были против того, чтобы я остался в России. В каждом письме мать слезно умоляла взять с собой жену и ребенка и приехать в Германию, домой, в Гамбург. По прошествии стольких лет они отчаялись меня уговорить вернуться. Но после смерти Эльзы у стариков появилась надежда на то, что даже если я не вернусь, то Курт... – Бертольд потер горло, почувствовав, что ему не хватает воздуха, будто этим движением рассчитывал облегчить себе вдох, – то Курта я отправлю к ним. Они предлагали мне дать ему возможность побыть у них какое-то время, может быть, получить образование, и потом, если он захочет вернуться, то они его удерживать не станут. Я, разумеется, не собирался всерьез рассматривать такую возможность и отвечал вежливым отказом.

– Знаешь, Сема, – он вдруг поднялся и кивнул в сторону настенного шкафчика, там у Сенцова всегда было припасено, – налей мне чуть-чуть.

Семен молча достал из шкафчика с инструментами початую бутылку, поставил на стол две железных кружки и плеснул обоим на донышко. Выпили молча. Семен закурил. Но на этот раз другу курева не предложил, теперь ясно видел, Бертольд болен, и тут же получил подтверждение своему предположению.

– Я столько раз про себя повторял, – продолжил Рихтер, – все то, что сейчас пытаюсь тебе рассказать, но слова, словно гири, сил не хватает их произносить.

– Ты помнишь, после того, что случилось с Эльзой и ребенком, я долго болел, и доктор, тот, который когда-то меня в госпитале пользовал, сказал, что с сердцем у меня что-то не так. Я названий этих медицинских не запомнил, но суть в том, что в любой момент... Тем не менее, прошло шесть лет и я жив. Были случаи, когда казалось, что все – конец, но после приступа как-то налаживалось, и общее самочувствие возвращалось в норму, а вот в последний месяц чувствую – долго не протяну, слабость постоянная, утром просыпаюсь и кажется, не смогу встать. Так вот, к чему это я тебе говорю. Когда доктор мне о моем положении рассказал, я стал задумываться о будущем Курта. Он ведь останется один.

Семен встрепенулся:

– А мы?

– Сема, вы, конечно, самые близкие нам люди, но пока он мальчишка, вы в силах ему помочь, а что дальше? И потом, пойми, одно дело немцы, что веками тут проживали, другое дело я, недавно из Германии, воевал на той стороне, чем не шпион? Одним словом, мысль эта засела в моей голове, и не было ночи, чтобы я не просыпался с чувством отчаяния от того, что не смогу проследить за его дальнейшей судьбой. И так случилось, что в двадцать восьмом году к нам в Энгельс прилетал немецкий самолет.

Бертольд поднял пустую кружку, Семен собрался долить товарищу, но тот отказался, только вдохнул не-выветрившийся спиртовой запах.

– Ты, наверное, не знаешь, да и никто не знает, что в Липецке находится авиационная школа подготовки немецких летчиков. Вот теперь, Сема, можешь меня остановить, мы встали на опасную дорожку, школа эта секретная, и если что...

Семен не стал скрывать удивления от такой информации:

– Да, не знал, если бы не ты мне такое сказал, не поверил бы. А про дорожку опасную – прекрати, мы с тобой уже не одну такую дорожку прошли, – и он вдруг рассмеялся. – А ведь однажды наши дорожки, помнится, пересеклись, и мы запросто могли друг от друга по пуле получить, куда уж опаснее, и ничего. У меня лучшего друга, чем ты, никогда не было и никогда, почитай, не будет.

От последних вылетевших слов Сенцов аж поперхнулся, почувствовал, что в глазах помокрело. С досады еще раз плеснул себе в кружку и уж поднес ее к губам, но остановился:

– Ты, давай, говори, не тормози.

Бертольд разгладил складку на брюках, посмотрел Семену в лицо и, легонько похлопав рукой по раненому колену, продолжил:

– Так вот, в одна тысяча девятьсот двадцать восьмом году к нам в Энгельс из Липецка прилетал пассажирский самолет Юнкерс F-13. Тебе, как человеку техническому, наверное, интересно было бы на него посмотреть. Красивая машина! Четверо немцев и один русский механик. Миссия этого вояжа подразумевала знакомство с жизнью поволжских немцев. Энгельс был конечным пунктом их полета, по пути они совершили посадки в Самаре, Саратове и Казани. Меня, с еще несколькими руководителями автономии, представили этим гостям в актовом зале администрации. Вначале была торжественная часть, наши выступили в очень дружественном тоне, высказывались по отношению к Германии и к гостям подчеркнуто почтительно. Разумеется, те в ответ в том же ключе – аккуратно, дипломатично, с благодарностью за многовековое проживание немцев в приютившей нас России.

А потом в буфете накрыли столы и организовали что-то вроде чаепития. Столов было десять, за каждым четверо или пятеро наших и один стол для немцев. За ним, кроме пятерых участников перелета, еще четверо сидело. Трех я знал – партийные и административные руководители, а четвертым был высокий чин из госбезопасности. Он этого не скрывал, вел себя свободно, шутил, но все время со значением поглядывал на обслуживающий персонал. Всех этих людей, официантов и буфетчиц, мы видели впервые, и нетрудно было догадаться, к какому ведомству они принадлежали. Меня эти детали волновали лишь в той мере, в какой

зрела уверенность в том, что у этих немецких пилотов что-то для меня есть, и что каким-то образом они мне это что-то передадут, минуя цепкие взгляды агентов ОГПУ.

Но ничего подобного за весь вечер не произошло. Только уже расставаясь, один из летчиков, пожимая мне руку, произнес фразу на немецком, в которой пожелал мне и моему сыну успехов, здоровья и веры в светлое будущее, и вот в этой, последней ее части, прозвучала рифмованная строчка: «Да, мы верим, но проверим». Это выглядело для чужого уха вроде шутки, но у этой строчки было продолжение: «Даже бога перемерим». Так звучала строфа из студенческой песенки, которую сочинили мои университетские однокурсники. Мы в то время были яростными материалистами и выражали свой максимализм в отрицании всяческих авторитетов такими вот изошренными способами, из которых песенки и стишки были самыми безобидными. Но дело было в том, что эти слова, произнесенные немецким летчиком, свидетельствовали о том, что он знал обо мне то, что могли знать всего несколько человек, моих самых близких студенческих друзей. Он был намного моложе меня, и возможность того, что он окончил тот же университет на параллельном потоке в то же время, что и я, и каким-то образом услышал эту песенку в моем окружении, была исключена, и я воспринял его слова как послание и предупреждение к ожиданию какой-то иной информации.

Прошло несколько дней, и мои конспирологические представления от услышанных тем вечером слов стали рассеиваться. Но в одно из воскресений я, как обычно, отправился на рынок. После того, как Эльзы не стало, я сам покупаю продукты и сам готовлю нам с Куртом еду. Эльза имела эту привычку воскресного посещения городского рынка, и для меня эти походы за свежими продуктами в выходной стали чем-то вроде свиданий с прошлым.

Бертольд сжал кулаки, затем снова потер коленку:

– Извини, Семен, я многословен.

– Эльза была тебе прекрасной женой, мы все очень ее любили. Алевтина до сих пор корит себя, думает, что виновата, что не углядела. Думает, я не вижу, как она мучается, когда про Эльзу говорят, годовщины отмечают, на кладбище в дни поминовения ходят. Ты говори, Бертольд, ведь у тебя есть то, самое важное, что мне передать надо, не сомневайся, все сделаю для тебя, будь уверен.

– Да, Семен, ты прав, кое-что я должен тебе передать. Так вот, брожу я по нашему рынку, уже кое-чего купил, корзинка почти полная. Подхожу к овощному прилавку и спрашиваю продавца: «Почем кабачки?»

Ну, он мне отвечает и предлагает тот, что побольше, а я говорю:

– Да, у меня уже корзинка полная, мне поменьше поищите.

Он смеется и отвечает:

– Я вам что, сантиметром перемерять буду? Видите, они все почти одного размера.

И тут у меня за спиной раздается тихий такой женский голосок:

– Да, мы верим, но проверим, даже бога перемерим.

Я обернулся и почти уперся в женщину. Высокая, моих лет, хорошо одета, в шляпке, тоже с корзинкой и смеется.

– Я, как и вы, собралась кабачок купить, – делится она, значит, со мной, и тут же продавцу: – Вот, который в углу, – и указывает на тот, который мне предлагали. – Этот мне, а тот, что за ним, этому товарищу.

И действительно, мне поменьше достался. Рассчитались мы за покупки и вместе пошли вдоль торговых рядов. Выглядело вроде естественно: сошлись двое покупателей на почве местного процесса приобретения кабачков. У меня все внутри трясется, понимаю, что эта женщина оттуда, и сейчас что-то должно произойти. Ты ведь помнишь, раньше все проще было и с письмами, и с посылками, а в двадцать восьмом уже поменялась ситуация. Письмо оттуда могло всю твою жизнь опрокинуть, промолчу про сегодня.

Она мое состояние почувствовала и говорит:

– Бертольд, вы не волнуйтесь, нам ничего не угрожает. Я вам сейчас дам прочитать письмо от вашего отца, вы его внимательно прочтите и верните мне. То, о чем он вас в этом письме просит, запомните, вот и вся задача.

И представляешь, я ей в ответ, как нервический интеллигентишка:

– А вы что, читали чужое письмо?

Она улыбнулась и отвечает:

– Разумеется, иначе никогда не взялась бы его вам доставлять.

Так мы, мирно беседуя, подошли к буфету на окраине рынка, заказали чаю с бараночками и медом. Стоим у круглого такого, высокого столика, пьем чай, бараночками хрумкаем, спрашиваю ее:

– Как хоть звать вас?

Она говорит:

– Зовите Ириной, но это не важно, все равно мы с вами больше не увидимся!

Берет затем ложечку с медом и, мило так улыбаясь, дает мне его попробовать и специально мажет мне медом щеку, смеется, достает салфетки и мед этот стирает, а салфетку кладет на стол, и салфетка эта оказывается письмом.

– Читайте и старайтесь вести себя непринужденно.

Письмо, написанное мелким почерком, заняло всего с три четверти страницы этого салфеточного листка.

Писал отец. Пару строк о том, как он обо мне тоскует, как мечтает увидеть внука, а затем очень сжато о главном. Он все-таки прагматик и очень хорошо информированный крупный промышленник. Он так и написал: «Бертольд, ты знаешь, в каких кругах я вращаюсь, и то, что я тебе сообщу, является очень важной и опасной информацией. Я должен предупредить тебя о том, что в ближайшие три-четыре года отношение к немцам в советской России изменится в худшую сторону и в дальнейшем станет катастрофическим. Поэтому ты должен принять решение, по крайней мере в отношении сына, вы должны вернуться в Германию».

Далее он напомнил мне о своем племяннике, о котором я тебе уже говорил. Ханс Ешонек стал значительной фигурой в деле возрождения немецкой военной мощи, и главной его любовью была авиация.

«Что особенно важно для вас, – пишет мне отец, – что в городе Липецке...»

Ну и дальше про эту летную школу, о которой я тебе рассказал, и о том, что Ханс в создании этой летной школы принимал непосредственное участие.

– Так он вас на этих, базирующихся в Липецке, самолетах предлагает без всяческих крючкотворств вывезти в Германию?

Семен проговорил это, подняв словно для тоста кружку, и на этот раз выпил водку, крикнул, утер усы и улыбнулся:

– Так летите, ребята! Там тебя ихние врачи подлечат, у них ведь медицина ого-го, да и Курту другие горизонты откроются.

Бертольд опешил:

– Ты себя слышишь? За такие слова без всяких моих тайн на Соловки загремишь.

– Да брось ты пугать, мы пуганные, лучше давай дальше рассказывай, это ж как кино про шпионов, чудеса!

И Бертольд продолжил:

– Дальше была инструкция, совсем простая инструкция: «Если вы решитесь покинуть Россию, возьмите конверт, напишите адрес получателя, в конверт надо вложить открытку, любую чистую, и обратного адреса на конверте не указывать. После того, как письмо будет отправлено, в течении двух-трех дней с вами свяжутся, затем отвезут в Липецк и самолетом отправят в Германию». Но отец предупредил, летная школа не будет существовать вечно, самое позднее в тридцать третьем году ее закроют. «Вот до этого времени у вас и будет окно возмож-

ностей». И в постскриптуме указал: «Письмо это передай обратно той, кто тебе его принес, она его немедленно уничтожит. И поблагодари эту женщину, ради нас она рискует жизнью».

Так я и сделал, прочитав письмо, вернул его Ирине. Она достала из красивого такого дамского портсигара папиросу, вставила ее в длинный черный мундштук, свернула в трубочку салфетку, на которой было написано отцовское послание, подожгла ее спичкой, а потом уже от горящей бумаги прикурила.

– И ты столько лет раздумывал, ждал и молчал. Впрочем, я тебя понимаю, – Семен как-то невпопад махнул рукой и добавил: – А хрен его знает, может, и не понимаю, как тут разберешься, что правильно делать в такой ситуации, а что ошибка? Тут ведь жизнь на кону, и не только твоя.

– Я решил, Семен. Хочу Курта отправить к деду.

– Так вместе летите, уж если так дело обернулось, что решил, то лететь вам вместе нужно, да и не согласится Курт лететь в одиночку, не согласится оставить тебя...

– Послушай меня, Сеня, и очень прошу, не возражай, давай как мужики поговорим, без сантиментов.

– Ну, давай, – Семен насупился, – подводи черту.

– Я не поехал бы, даже если бы был здоров. Я не оставлю мою Эльзу и мою маленькую дочку одних в этой земле. Так что первое, о чем я тебя попрошу, похорони меня рядом с ними. И второе, когда это случится, отправь это письмо, о котором я говорил, – и Бертольд протянул Сенцову конверт с уже написанным адресом. – С сыном я сам поговорю, он не посмеет меня ослушаться, ты просто подтверди ему мое решение, если в этом возникнет необходимость.

Сенцов как-то обреченно покивал головой, потом встал, подошел к своему товарищу и поклонился:

– Я все сделаю, слово тебе даю!

Семен надел пиджак, прежде брошенный на спинку стула, и аккуратно поместил в его внутренний карман письмо. Затем помог Бертольду подняться, и они вернулись к гостям.

О том, что нужно подготовиться к завтрашней рыбалке, в которой примет участие Ангелина, Ваня сообщил Курту как бы мимоходом, по дороге к автобусной остановке. Бертольд с Семеном отстали от них, они шли, о чем-то переговариваясь, и оттого часто останавливались. Они отпустили сыновей далеко вперед еще и потому, что разговор этот, продолжение того, о чем они говорили в кабинете Сенцова, был не для мальчишеских ушей.

Иван изо всех сил старался выглядеть безмятежным, не придающим этой встрече серьезного значения. Но от Курта не скрылось то, как дрожал голос друга, как его почти трясло, и он пытался скрыть это, пританцовывая, напевая какой-то легкий мотивчик, как белыми пятнами пошло его лицо. Курт молчал, и Иван, пытаясь заглянуть в его глаза, занервничал еще больше. Что, если немчик не решится? «Не решится». Ванька перестал кружиться вокруг приятеля, попытался разобраться в собственных мыслях. Впервые Курта «немчиком» назвал и вспомнил, отчего такое в голову пришло. Это она тогда позвала: «И немчика с собой прихвати». Кольнуло ревностное, мимолетное, другое важнее было, беспокоило. «Что это я имею в виду? – думал он, когда такое слово в голову прилетело. – На что не решится? Рыбу с ней половить? Нет, я ведь другое себе представляю, и он молчит, о том же думает».

А Курт ушел в себя. Он, конечно, все понял, и эту ее фразу, которую передал Иван: «В пять, там же», и Ванькино сумасшедшее состояние. Курт изрисовал целую тетрадь ее профилями, ее фигурой с разных ракурсов, ее ноги, ее грудь, детали, детали... В основном он рисовал ее в одежде, в том платье, в котором увидел впервые на лодке. Но несколько рисунков были в стиле ню. Он рисовал, прячась ото всех, глубоко засовывая под матрас тетрадь, с ужасом думал о том, что отец может увидеть эти карандашные рисунки, выдававшие его позорную,

как ему представлялось, страсть. И вот теперь они окажутся лицом к лицу на берегу реки, в лодке. Они будут ловить рыбу, она будет двигаться так, как только она умеет. Ему доведется разглядывать в этом движении ее тело на расстоянии вытянутой руки. Да нет, не просто разглядывать, они ведь будут ее учить управляться со снастями, всему, что связано с ловлей, будут касаться ее рук, плеч, груди. Да она и сама ненароком, может быть, прижмется к нему, так, как она это сделала за столом на дне рождения Ивана. Все это проносилось перед онемевшим Куртом так, будто он видел завтрашний вечер нарисованным на листе бумаги или холсте. Да, он обязательно напишет ее маслом на холсте, создаст настоящую картину, шедевр. Иван, наконец, не вытерпев, встряхнул Курта за плечи:

– Чего молчишь? Или не хочешь составить нам компанию?

– Боже мой, Ваня! Составить компанию! Что за словосочетание? Я на эту женщину готов смотреть даже у расстрельной стенки, и если это будет последнее, что я увижу в своей жизни, то умру счастливым.

И Курт рассмеялся:

– Вот как надо говорить, когда мужчину, – и он ударил себя кулаком в грудь, – приглашают провести время в обществе красавицы, какой свет не видывал!

У Ваньки отвисла челюсть:

– Да ты, брат, помешался!

Курт от Ванькиного ошарашенного вида рассмеялся еще веселей. Так они, найдя нужную струну, спасительную, снявшую обволакивающую обоих сладкую и пугающую истому ожидания чего-то такого, неизведанного и желанного, добрались до автобуса, отправляющегося в город.

Иван с Семеном помахали вслед поднявшему облако пыли старенькому ЗИСу-АМО. Завтра в город его отвезет отец на своей машине. Иван на всякий случай уточнил:

– Мы с тобой в город с утра или к обеду собирались?

Так спросил, чтобы лишних вопросов не возникло.

– С утра мне в управу надо, а ты к Курту собрался?

– Да, – Иван опустил завязать шнурок. Нужно было сообщить отцу, что он у Курта останется ночевать, обычное дело, но вдруг у отца планы на него, что-то по дому придумает похозяйничать. Так, спрятав у ботинка лицо, Ванька и произнес осторожно:

– Я и заночую у них.

– Добре, сынок.

Семен как-то очень ласково произнес эти слова. Невдомек Ивану было, что отцу хотелось, чтобы возле Рихтеров кто-то из близких рядом побыл. А Ванька им родной, и у Семена от этих мыслей на душе теплее стало.

Ангелина пришла ровно в пять в том же белом платье, в котором ребята видели ее в позапрошлый вечер с офицерами. Иван с Куртом крутились возле лодки уже около полутора часов. Приготовили все для рыбалки, для костра, на котором надеялись сварить уху в проверенном множестве походных котелке. Даже сухих щепок для розжига приготовили и про специи к ухе, луке с перцем, лаврушке, не забыли. Ангелина словно нарочно старалась повторить все то, что видели мальчишки в прошлую их встречу у пристани. Так же, садясь в лодку, прошлась по воде, замочив платье и дав ребятам подсадить себя уже на ходу. Они подхватили ее, от волнения чуть не уронив за борт. Взяться за талию, за бедра так крепко, как того требовало это действие, у них не получилось, и она, рассмеявшись, сама ухватила их за руки, взлетев над бортом словно невесомый белый ангел. А потом, уже на середине реки, забрасывая леску с насаженной на крючок наживкой, раззадорилась и так увлеклась, с таким неподдельным азартом отдалась этой древней забаве, добывать себе пищу в водной стихии, что увлекла своей детской непосредственностью и своих учителей.

Ее непринужденность, искренность восторга от каждой удачно выхваченной из речной глубины отсвечивающей солнечными зайчиками серебристой рыбешки заставили обоих юношей забыть о своих совсем иного рода чувствах к этой женщине. Оказалась, что красавица может быть для них совсем своей, совершенной девчонкой, с которой так легко и весело можно заниматься чудесным делом, волжской рыбалкой.

Но вот солнце в последний раз осветило прощальным сполохом небосвод, и лодка, уткнувшись носом в песок острова Казачий, остановила свое движение, замерла, лишившись веселого покачивания на легкомысленной волне. И парни почувствовали, как стали проявляться на их коже, в их отложенном сознании словно изображения, всплывающие из амальгамы серебра на старинных дагерротипах, все только что случившиеся прикосновения к ее горячему телу. И тогда, когда они помогали ей подсечь щучку, насадить червя на крючок, когда помогали переместиться с кормы на нос так, чтобы ей удобней было следить за поплавком, и ловили ее, чуть ли не падающую за борт, когда она, увидев, как кто-то из ребят подтягивает к борту здоровенную рыбину, кидалась ему на помощь. И каждый раз их касалась ее гладкая, словно атлас, кожа, упругость бедра, остроконечные холмики груди, щекотала щеки прядь разметавшихся волос, наполняя окружающий воздух запахом нагретого солнцем луга.

Все это происходило в процессе привычных для них рыбацких хлопот, но оказалось, что ни одно из этих кажущихся ничего не значащими касаний никуда не исчезло. Они пережили нечто, напоминающее ту сладостную боль, которую испытываешь, попав с мороза в тепло, когда замерзшие руки, побелевшие от мороза щеки оттаивают, обретая чувствительность.

Ощущение близости ее тела с первых шагов по твердой земле острова наэлектризовали воздух окружавшего их пространства. В сгущающихся сумерках уходящего дня она уже не казалась девчонкой, с которой можно весело перекидываться словами, дружески обняв за плечи, провести к расстеленному у костра одеялу, не испытав при этом ничего, кроме практической необходимости помочь преодолеть осыпанную листвой и сучьями, плохо различимую в вечернем освещении землю. Страсть электрическим полем окружила эту женщину и этих двоих юношей, молодых и сильных, влюбленных в нее, отчаянных и испуганных одновременно. И если Иван кружил возле Ангелины, устраивая место стоянки, Курт удалился вглубь острова, собирая хворост для костра, но скорее интуитивно спасая себя от переполнявших его видений, которые, как ему казалось, он просто не в силах вынести.

Мог ли бедный парень представить себе то, что он увидит, возвратившись к поляне, на которой они решили провести вечер, то, что ввергнет его в шок, ударит в сердце и заставит окаменеть тело. А увидел он сверкающую в лунном свете белую задницу Ваньки между бесстыдно и незащитно раскинутых ног, взлетающих в момент его резких толчков и падающих безвольно на его бедра в момент, когда он подымался на мгновение, набирая силу для следующего удара. Такую картину, сопровождаемую стонами и вскриками, застал Курт у еще не разоженного костра. Ангелина в какой-то момент обернула к нему свое вздрагивающее при каждом Ванькином движении лицо, и неожиданная ее улыбка, и слова, услышанные им сквозь вату помутнения: «Иди к нам, немчик», – чуть не лишили Курта сознания.

Ванька, вскрикнув в последний раз, откатился в сторону и застыл, упав в траву лицом.

А Курт на негнущихся ногах подошел к ней, оценивая к своему невероятному удивлению ее мраморное тело, как художник оценивает обнаженную натуру и, опустившись на колени, так и не выпустив из рук охапку сухих веток, произнес:

– Почему вы так с нами? Вы самое красивое создание из всего, что я видел в своей жизни, и среди живых, и среди изображенных великими художниками на холстах. Вы – царица Савская, вы должны быть выше нас всех!

Она смотрела на него, не меняя позы, не сводя раскинутых ног, лишь одну согнув в колене. Затем, еще призывнее выгнувшись, закинула руки за голову, уверенная в том, что ее

бесстыдство так же прекрасно, как сама природа. И вдруг всполохнулась, накрылась шалью, припасенной в холщовой сумке, достала оттуда же маленький золотой портсигар, закурила, посмотрела на лежащего подле нее Ивана, выпустила тонкую струйку дыма в лицо Курту и заговорила низким обволакивающим голосом:

– Хочешь знать, немчик, почему я тут, с вами? И ведь думаете, что такая я со всеми? – Ангелина прищурила зеленый глаз, улыбнулась, давая парням осознать фразу. Значит, они только думают, что она может такое проделывать со всеми, а это не так.

– Расскажу-ка я вам, мальчики, – продолжила Ангелина, – про одну девочку, что моложе вас была и про то, что с этой девочкой приключилось.

Мне в двадцать втором году было четырнадцать. Мать умерла, когда я совсем маленькой была, так что отец мне был и за мать, и за бабушек с дедушками, те все в Польше остались, так уж получилось. Отец держал аптеку в небольшом поселке Окопы, что на Днестре. Был у нас свой дом, на первом этаже аптека, а на втором сами жили и одну комнату сдавали пожилой даме, Анной звали, а фамилию я и не знала прежде, позже узнала, после всего, что случилось. Она при аптеке служила и была нам помощницей во всем. Дом выстроили на самом берегу полуострова, там, где речка Сбручь впадает в Днестр. Была у нас лодка старинной работы, отец ухаживал за ней, рыбачил в свободное время. Вот только меня к рыбалке не привлекал.

Ангелина рассмеялась.

– Зато у вас причина образовалась поучить меня. Да, так у этой лодки была еще одна задача, спасти меня от всяких лихих людей, которыми земля наша наполнена была в те годы сверх меры.

О приближении опасности он узнавал от покупателей, от местных жителей, или просто иногда чуял беду. Сажал он меня в эту лодку и прятал в прибрежных зарослях, то на Днестре, то на Сбруче. Вот и в тот раз услышал он от своих пациентов, что по округе бродит красноармейский отряд в поисках засланных с Польши то ли белогвардейцев, то ли просто бандитов, и ведут себя те красные неучтиво к местному населению. Это отец мой такое слово употребил по отношению к красным: неучтиво. А на самом деле мало чем те вояки от тех же бандитов отличались.

Как-то раз, уже вечерело, прибежал он в дом, схватил меня в охапку и к лодке. А накануне прислали мне с оказией польские родственники посылку со всяческими девичьими радостями: платишками, туфельками, чулочками и нижним бельем, таким, какого прежде я не видывала. И особенно меня восхитил красный комплект, лифчик с трусиками: кружева, шелк, все в пору. Одеда его, перед зеркалом покрутилась и так я себе понравилась, что аж разревелась. Подумала, куда я в этой глуши со своей красотой денусь?

Ангелина снова рассмеялась.

– Видать, судьба решила подшутить надо мной, подсказать, куда, и каким способом эту задачу решить.

Курт слушал, боясь пошевелиться. Иван лежал, не меняя позы, только слегка в сторону рассказчицы повернул голову. Привычное пение цикад и тихий плеск воды лишь оттеняли безмолвие наступающей ночи. Оттого голос Ангелины звучал так четко, так осязаемо, словно концентрировался в воздухе, превращаясь в материальные картины.

– Вырвалась я из папиных объятий и рванула к дому, испугалась, что бандиты помародерствуют и пропадет мое замечательное красное шелковое белье. Пары минут мне хватило, чтобы натянуть под платье эти трусики и лифчик, но когда к реке кинулась, там уже человек двадцать спешившихся конников стояло и среди них мой отец, в костюме и в очках. Они что-то орали, толкая его к лодке, показывали на ее борта, а там с обеих сторон у носа много лет назад были нанесены золотой краской почти уже выцветшие царские гербы – двуглавые орлы. Он меня увидел, прижал палец к губам, молчи мол, и так рукой показал – уходи, но то лишь мгно-

вение длилось. Его прикладами в лодку затолкали, опрокинули навзничь, оттолкнули лодку от берега и стали по ней стрелять.

Я не убежала, от ужаса с места сдвинуться не могла, так и стояла, пока эти гады не обступили меня со всех сторон.

Где-то у середины реки лодка затонула, но это я увидела уже лежа на земле. Сдернули с меня и платье, и белье шелковое, и руки их повсюду сильные, злые. Тот, кому трусики мои достались, понюхал их и говорит:

– Свежак, она, видать, еще целка, повезло нам!

А ему в ответ:

– Да не нам – ей.

Все хохочут, а тот продолжил:

– Такую, с таким бельишком, негоже тут в грязи драть, такую барыньку надо культурно, на постельке белой любви предать.

Самый здоровый из них перекинул меня через плечо и отнес в дом. За ним все остальные в мою спальню поднялись и правда на постель меня кинули. Молча шли, только сопели, как быки перед случкой. Один, нетерпеливый, сдавленно прогундосил:

– Кто первым будет?

Тот здоровый, что нес, ему кулак к носу сунул:

– Я и буду.

Лег он на меня, всей своей тушей придавил так, что и вздохнуть не могла, повозился внизу со своими причиндалами и вломился так, что я напрочь потерялась в бессознании. Очнувшись оттого, что воды мне в лицо с кружки плеснули. Этот здоровый так и лежит на мне, не двигается и говорит спокойным таким голосом, вроде обиженным только:

– Я, – говорит, – молчаливых баб не люблю пользоваться, мне надо, чтоб на крик исходили. – И двинулся во мне снова. Большим он оказался везде, и там тоже, ну я и заорала под ним, поорала и под другим, и третьим, а потом голоса не стало, но остальным, видно, это уже без разницы было, им я и так сгодилась. Помню, когда кавалеры уже подустали, один, сопляк совсем, старшему товарищу говорит:

– А Васька хвастался, что девять раз на нее слазил.

А тот ему: «А ты сколько?»

– Ну, раза два.

Старший усмехнулся:

– А ты Ваське скажи, что тоже девять. Дурак ты, не в количестве дело, а в качестве. Васька – скорострел, этим не гордятся.

Ну, а потом на меня снова тот первый, здоровенный кабан, забрался, и случилось со мной самое ужасное за эту ночь. Тело подвело. Сознанием я их ненавидела, отвратительны они мне были до рвоты, а тут под ним что-то такое темное во мне поднялось, то, что сильнее боли, сильнее отвращения к этим вонючим мужикам. Боль эта с наслаждением смешалась, и такая сила вдруг мое тело выгнула, что я эту тяжеленную тушу, словно мячик, подбросила над собою, и уже другой из меня крик вырвался, такой, которого ни с чем не спутать. И тут, сквозь мутное мое сознание, слышу, как воинство это героическое зашипело, сил в себе, видать, последних наскребло от новости такой.

– Братцы, да она кончила, – и вновь они вокруг меня сгрудились, и поняла я, что пришел мой смертный час.

Но тут вошел в спальню командир ихний. Молодой, но сразу было видно, сильный мужчина. Усы кверху кончиками закрученные, форма на нем чистая, весь ремнями перетянутый, и в кубанке с красным верхом. Оглядел всех бешеным взглядом, сдернул с меня очередного голоштанника, с разворота лупанул его сапогом по заду и за шашку хватать. Вытащил ее даже до

половины, а потом увидел, как по-волчьи злобно оскалились его бойцы, кинул шашку обратно в ножны и вдруг тихо стало. Тут он негромко, с хрипотцой, но так, что каждое слово отдельно звучало, выговорил им:

– Натешились, герои! Оставьте девку, пока живая, ей еще красного бойца на свет про-известь придется, нашим семенем напоенного, – и потом уж зычно, криком команду отдал: – По коням!

Тут же всех смело, а он подошел ко мне, положил руку на лоб и сочувственно так, с прицокиванием, напутствовал:

– Ты, девонька, зла на этих стервецов не держи, оголодали они от отсутствия вашего пола и озверели маленько в огне борьбы нашей святой революции. Останемся живы, – он тут замялся немного, – с помощью к тебе вернемся.

Запомнился он мне и лицом, и голосом, и когда через год в дверях появился военный в обмундировании командирском с иголки, сразу его признала, он и забрал меня с собой, женился, четыре года жили семьей. По ночам не слезал с меня, и обязательно под утро разбудит, захлестнет мои ножки у себя на шее и бормочет в запале:

– Мало тебе меня одного, все взвод мой вспоминаешь, сука!

А после ну целовать-миловать, прощения просить. Подарками заваливал, любую прихоть исполнял. Он к тому времени высоким чином в армии стал, да погиб в двадцать девятом, в ноябре, с китайцами бои были на речке Аргунь у города, запомнилось мне китайское его название, Чжалайнор.

Курт не помнил, как очутился рядом с ней. Хотел поцеловать закинутую за голову руку, но вместо этого уткнулся губами в белую шею, то ли целуя, то ли кусая. Потом лег на тугое и такое уступчивое, приглашающее к любовной неге, тело, раздвинул коленкой безвольные ноги, почувствовал своим естеством ту заветную горячую влагу, почувствовал, как выгнулась Ангелина, застонала, и, когда уже почти проник в ее глубину, она вдруг расхохоталась и совсем обычным, лишенным всякой страсти голосом, насмешливым и даже дурашливым, произнесла распевно:

– Что, немчик, завела я тебя своим рассказом?

Курт вскочил так, словно его окатило кипятком, потом упал в траву и разрыдался громко, не пытаясь сдерживаться, словно ребенок, со всхлипываниями, соплями, заполонившей рот слюной. Ангелина притянула его голову к себе, стала гладить, успокаивать, махнула Ивану, уходи мол, и тот, ошарашенный всем происходящим, пошел медленно, сперва оглядываясь, затем побежал вдоль берега незнамо куда.

Курт постепенно успокоился. Стало стыдно, ведь он уже мужчина или почти стал им, и в этом главном мужском действии опозорился перед той, которую боготворил. Но ласки Ангелины, ее грудь, к которой она прижала его лицо, ее руки, тронувшие его там, где никто прежде к нему не прикасался, вернули его к состоянию, когда весь мир не стоил и сотой доли той острой, словно бритва, способной свести с ума, страсти. Она сама направила его в себя, и он тонул раз за разом в наслаждении, силу которого не мог себе представить в самых своих смелых мечтаниях.

Сжимая стонущую женщину, он вдруг вспомнил про того Ваську, который хвастался тем, что девять раз залазил на истерзанное девчачье тело. Курту было не до счета, просто ему казалось, что он целую вечность не прерывал своего владения ею. Не переставал входить в нее, целовать, ласкать, зарываться лицом в ее одуряющую мягкость, не оставляя нетронутым ни одного места на ее вздрагивающем, изумительном, божественном теле.

А потом она ушла.

Он лежал, не имея сил даже для того, чтобы поднять руку, произнести хоть слово. Смотрел на нее, уплывающую в бесконечное пространство, словно на комету, случайно прочертившую в космосе его души сверкающий след, который не померкнет во всей его последующей долгой жизни. Ангелина только раз обернулась, когда ночная мгла позволила различить лишь очертания ее фигуры, и уже издалека прокричала, смеясь:

– Попробовали сладкого и будет, а то все бабы, которых в жизни встретите, горькими покажутся, потому не ищите меня, уезжаю я, немчик, завтрашним утром, и Ивану слова мои последние передай.

Курт вздрогнул, когда тишину ночи прервал визг уключин, удары весел о воду, но мысль о том, что Ангелина с Иваном могут уплыть, оставив его одного, лишь лениво скользнула по тому огромному, заполнившему до краев его осознания, случившемуся с ним счастьем. Он был бы даже рад своему одиночеству, он хотел бы вечно лежать в охватившей его сладостной истоме, рисовать воображаемой кистью на холсте небосвода себя и эту женщину, совершенство линий ее ног, тонкого стана, ее лицо, погруженное в негу страсти. Он был готов лежать, глядя на усыпанное звездами небо, и искать среди них ее нежный сладостный образ всю жизнь.

«Может быть, я оттого, что со мной случилось, изменился и поверил в бога, – думал Курт. – Может быть, это он послал мне эту женщину и теперь ждет от меня благодарности».

Божественные изыскания «новообращенного» юноши прервал вышедший из темноты Иван. Он молча присел рядом и, разглядев на краю расстеленного одеяла блеснувший золотом портсигар, раскрыл его, достал папиросу и, прикурив от тлеющих углей почти потухшего костра, глубоко затянулся горьким табачным дымом. Молчали, глядя на всполохи отраженного от набегающих на берег волн лунного света, не чувствуя хода времени, пока вновь не послышался звук разбивающих воду весел.

– Эй, мужики, где вы там?

Это рыбак из поселка разыскивал их, похвастался, сообщив, что какая-то барышня ему пять червонцев дала, чтобы он их с острова забрал и вернул к пристани.

Когда Курт подошел к подъезду своего дома, то увидел отъезжающую карету скорой помощи. Встревоженные соседки, собравшиеся по такому случаю, кинулись к нему, но он и без их слов понял, что машина с красным крестом увозила его отца. Он добежал до больницы, в которой всегда проходил обследование Бертольд, лишь немного отстав от скорой. В приемном покое его к отцу не подпустили, Бертольда сразу увезли в отделение, на двери которого большими красными буквами было написано «Не входить». Только через несколько часов мучительного ожидания пожилой доктор подошел к юноше:

– Молодой человек, вас Куртом зовут?

Тот кивнул.

– Пройдите к отцу, он хочет с вами поговорить, только имейте в виду, положение его очень тяжелое.

Доктор хотел сказать еще что-то, но вместо этого просто тихонько похлопал Курта по плечу:

– Идите.

Бертольд лежал в постели, накрытый одеялом до подбородка. Курта испугало его совершенно белое лицо, оно почти не отличалось цветом от подушки, но голос, хоть и тихий, был тверд. Он выпростал из-под одеяла руку и жестом позвал сына, приглашая сесть подле себя на выкрашенный белой краской табурет. Курт сжал его руку, попытался найти какие-то слова. Ему вдруг стало невыносимо жаль отца. Никогда прежде подобного чувства у Курта не возникало, ни тогда, когда Бертольду приходилось проводить время в госпитале и в этой больнице, ни тогда, когда он проходил лечение, подолгу оставаясь дома в постели.

Да, он бывал болен, но и мысли не возникало, что с ним может случиться что-то по настоящему опасное, что-то серьезное. Бертольд был сильным, стойким, выдержанным мужчиной и вселял в сына абсолютную уверенность в своих жизненных силах. «Но не в этот раз», – лишь эти слова и пришли в голову Курта. Горькие слова – «не в этот раз».

Отец умирал. Курт почувствовал это так остро, словно проник вовнутрь сознания лежавшего перед ним беспомощного человека. Взяв его за руку, он словно оказался вновь маленьким мальчиком, который шел с отцом в какое-то неизвестное и оттого пугающее место. Особенным таким воспоминанием почему-то служила история первого посещения общественной бани. Он очень испугался этого горячего туманного гула в наполненном чужими голыми дядьками пространстве.

И теперь, держа за руку отца, ему вновь казалось, что тот уходит куда-то в пугающее, туманное, душное, безвозвратное место. Он уходит также, как ушла мама, только тогда он был еще мал и утрата не была по-настоящему осознанной, а теперь, глядя на неподвижного, мгновенно постаревшего Бертольда, Курт понял, что он остается один на этой земле. Он почувствовал, что сейчас разрыдается и тогда отец поймет, что надежд нет, что даже сын принял безысходность ситуации, и поэтому изо всех сил пытался сдержаться. Все его силы ушли на борьбу с самим собой и он не сразу уловил то, что говорит Бертольд:

– Похороните меня рядом с мамой, я просил об этом Сенцова. Ты уезжай к деду, в Германию. Семен все тебе расскажет, слушайся его беспрекословно, он будет находиться в большой опасности, помогая тебе. За тобой придут люди из авиаотряда, что находится в Липецке. Они самолетом переправят тебя в Германию. Это моя последняя воля, и ты ее выполнишь.

В любом другом случае, в иной обстановке Курт даже слушать не стал бы то, о чем говорил Бертольд, но в эти минуты он молчал, понимая, чего стоило отцу это решение, и что никакого иного выхода для него быть не может.

Хоронили Бертольда Рихтера всем городом. Курт плохо помнил этот день, бесконечную вереницу людей, подходивших к нему со словами соболезнования, речи руководства автономии, друзей отца.

С кладбища его забрали Сенцовы, отвезли к себе, поминки справили в их доме. На следующий день Семен заперся с ним в гараже, как всего несколько дней назад с его отцом, и рассказал Курту о письме, приготовленном Бертольдом, и о том, что он выполнил его просьбу, письмо это отправил по указанному на конверте адресу.

– Так что, дорогой ты мой человек, собери самое для тебя необходимое и готовься к отъезду. За тобой придут, назовут имя твоего отца, этого будет достаточно.

Иван проводил Курта в город. Предложил помочь другу со сборами, но Курт отказался:

– Время у меня еще есть, и потом, Ваня, я хочу с вещами отца и мамиными побыть один.

Оба ни слова не произнесли о той ночи, о той женщине, боялись тех чувств, которые могли захлестнуть их, похоронив всю их прежнюю жизнь, саму их дружбу.

Волга неспешно катила свои волны, безучастная к их горю, их переживаниям, их неясному будущему, их любви к необыкновенной и навек потерянной женщине. Они сели в лодку, не отвязывая ее от причала, сидели молча, смотрели на закат. Иван достал портсигар, ее золотой маленький портсигар, закурил. И наконец произнес самое главное:

– Ангелина уехала тем самым утром, когда... – он не закончил, Курту и так было ясно, каким утром. – С комдивом уехала в Москву, с одним из тех двоих, что в лодке с нею были.

Курт молчал, Иван не выдержал:

– Ты, наверное, думаешь, что будь ты дома с отцом, а не с ней, тогда бы... такое бы... – ему казалось, что он все не те слова подбирает, не так их складывает, и в конце концов закончил просто: – Одним словом, был бы батя твой жив.

Курт поднял руку:

– Остановись, Ваня, ни к чему связывать одно с другим, – и они снова надолго замолчали, на этот раз тишину нарушил Курт:

– На что ты был бы готов ради нее?

И Иван, не задумываясь, ответил:

– Ради нее мог бы убить, – и через паузу, – и умереть, если бы пришлось, – и, уже не сумев остановиться, продолжил, раскаляясь: – Я ее искать буду хоть всю жизнь и найду, а ты забудь, ты – друг лучший мне навек, но про то, что было, забудь!

А Курт и не хотел искать Ангелину. Он хотел сохранить то, что затем всю жизнь сберегал в себе, словно призовой кубок, золотой, победный, или билет, выигравший главный приз. Он заворачивал это воспоминание в дорогие шелка своего вожеления, в темный дорогой бархат памяти, боялся испортить свои чувства чужим грубым прикосновением, разбавить драгоценное вино дешевым. И да, сладкой была эта женщина, и да, все, что будет у него после, будет горчить, никогда с нею не сравнится. Только ее смех, тот, который остановил его в самый ответственный момент, тоже с ним останется, как наказание. Он никогда не сможет заниматься любовью с женщиной, которая, прильнув к нему, в ответ на ласки позволит себе рассмеяться.

За Куртом пришли через неделю. Позвонили в дверь, спросили, тут ли жил Бертольд Рихтер? Курт представился.

– Тогда вам не нужно ничего объяснять, – произнес один из них. – Возьмите с собой один чемодан с личными вещами, – он вдруг улыбнулся, – все остальное для вас приготовлено в Гамбурге.

Иван попрощался с Куртом накануне его отъезда. Приехали и Семен с Алевтиной, та, заливаясь слезами, просила хоть какую весточку прислать, чтобы спокойными быть, что мальчик, так она его называла, что мальчик устроился в новом доме, что ему там хорошо, «а то, миленький, у меня душа будет не на месте». Задерживаться дольше было опасно, кто знает, что в таком необычном деле может случиться. Когда родители ушли к машине, Иван остался. Нужно было произнести какие-то последние, самые важные слова.

– Давай не будем прощаться навсегда, это ж так, словно мы друг для друга умерли. Ведь ваши прилетали к нам, ну те, летчики, может, и еще раз получится, может, времена изменятся, и мы к вам тоже сможем.

Курт смотрел на друга и столько печали было в его глазах, что Иван замолчал.

– Так, говоришь, будешь ее искать?

Иван утвердительно кивнул головой.

– Не отпускает тебя, понимаю, – он обнял Курта, – и меня тоже. Нам с тобой жить с этим долго придется, может, всю жизнь. Да, буду искать и найду, не сомневайся.

Он достал из кармана золотой портсигар, усмехнулся:

– Я ведь его вернуть ей должен, дорогая вещь.

Глава 2. Курт

Черный лакированный мерседес остановился у двухэтажного кирпичного дома. Сопровождающие Курта мужчины вышли из машины первыми, пригласив Рихтера к ним присоединиться. К парадному входу через аккуратно подстриженную лужайку вела выложенная серой плиткой дорожка. Площадка у двустворчатой высокой двери была заполнена людьми, оживленно переговаривавшимися между собой. Как только Курт вышел из машины, все они развернулись в его сторону и зааплодировали. Его ждали, и юноша остановился в замешательстве, не зная, как себя вести в этой ситуации.

От группы встречающих отделился молодой мужчина в кожаной куртке, в брюках цвета хаки, заправленных в короткие сапожки, и быстро подошел к Курту, протягивая руку для рукопожатия:

– Меня зовут Ханс Ешоннек, я твой двоюродный дядя по отцу.

Он обнял племянника, почувствовав замешательство молодого человека, похлопал его по плечу и улыбнулся.

– Не смущайся, тебе тут все рады, и привыкай к неожиданным открытиям. Вам, юноша, много чего придется узнать и о своей семье, и о своей родине.

Вся компания поднялась на второй этаж в апартаменты, которые занимал Ханс. В залитой солнечным светом комнате с большими окнами был накрыт стол. После того, как все заняли свои места и шампанским были наполнены бокалы, Ешоннек произнес короткую речь:

– Господа! Этот молодой человек – мой родственник, сын моего двоюродного брата, человека необыкновенной судьбы. К великому сожалению, несколько дней назад он скончался, не выдержало сердце. Бертольд Рихтер – герой Германии. Он ушел добровольцем на фронт со студенческой скамьи, был ранен, попал в плен и там, в России, встретил нашу по крови девушку из давно осевших в России поволжских немцев. Его любовь к этой девушке оказалась такой сильной, что он остался в России, пережил многие тяготы послереволюционного времени и там нашел свой покой. Но он успел завещать своему сыну, этому прекрасному юноше, вернуться на родину к своим деду и бабке, уважаемым всеми Элизабет и Герберту Рихтерам.

Имя Герберта Рихтера хорошо известно военным Германии. Этот человек оказывал и оказывает неоценимую помощь нашей армии и государству. Это на его предприятиях сшита форма, которой могут гордиться наши пилоты, это через его склады к нам поступают все виды горюче-смазочных материалов, и это из его посуды ест приготовленную в полевых кухнях кашу большая часть личного состава нашей армии. Все эти годы Герберт и Элизабет мечтали о том, чтобы Бертольд вернулся домой. К сожалению, этого не случилось. Но они будут счастливы принять в родной дом его сына их внука и единственного наследника.

После того, как застолье завершилось, Ханс увлек Курта за собой.

– Поедем, я тебе кое-что покажу, тут совсем рядом, – и сразу же передумал, – нет, после такого обеда полезно будет пройтись пешком.

Они прошли по выложенной той же серой плиткой тропинке вдоль длинного оврага.

– Эта канава называется у русских Каменный Лог.

Ханс чувствовал себя экскурсоводом и с гордостью показал племяннику чудесный парк с беседками и фонтанами, в создании которого немцы принимали участие вместе с рабочими городской управы. Через пятнадцать минут они подошли к аэродрому. У края обширного, уходящего к далекому лесному массиву поля расположились ангары, мастерская, склад ГСМ, вещевой склад и несколько строений помельче. В одном из них находился пункт управления полетами, со второго этажа которого были хорошо видны самолеты, аккуратно выстроенные вдоль взлетной полосы. Туда Ханс и пригласил племянника. Курт видел, как светились глаза неожиданно приобретенного родственника, когда он рассказывал о диковинных, блестящих

сталью и дюралем, машинах. Курт ни разу не видел вблизи эти чудесные изделия, способные летать, словно птицы, лишь изредка они с ребятами, наблюдая, как над ними проплывали редкие в те времена аэропланы, задирали к небу головы и долго затем спорили о том, какой марки и каких характеристик эта машина.

– Вот, видишь, два самолета со знаком эдельвейса на носу? Это последние модификации истребителя Юнкерс К-47. Смотри, какие формы, какая обтекаемость, а рядом – это уже легкие бомбардировщики Юнкерс W-34, на сегодняшний день лучшие самолеты в мире.

Курт смотрел на все эти бипланы и монопланы, на их серебристые бока и внушительные, увенчанные огромными пропеллерами звездообразные моторы, он понимал, что нужно проявить большую заинтересованность в том, о чем так увлеченно говорил Ешоннек, но был не в силах заглушить переполнявшую его тоску по только что оставленной, теперь уже прежней, его жизни. Он еще не осознал в полной мере потерю отца.

Все те несколько дней до отъезда, просыпаясь в опустевшей квартире, он пытался уловить привычный звук, который сопровождал суету папы, готовящего на кухне завтрак. И тут же обрушившаяся тишина возвращала его к действительности. Курт, едва успевая натянуть на себя брюки и майку, выбегал из дома, словно его домашний уют охватывал пожар, и бежал к Волге. Там, сидя на берегу, смотрел на воду, и река, словно смывая с его души невыносимую тягость, уносила всплывающие из глубин сознания мысли к другой бередящей сердце драме, к необходимости расставания со всем привычным укладом прожитых лет, с лучшим и, может быть, единственным другом и с той первой его женщиной, которая с каждым новым днем казалась все менее реальной, все более эфемерной, сказочной принцессой из волшебных снов.

– Смотри, какой красавец, – и Ханс указал на стоящий в сторонке от основной линии выстроившихся истребителей и бомбардировщиков большой, с корпусом, выполненным из гофрированного металла, с несколькими рядами круглых иллюминаторов, самолет, – Ю-52. Последняя модель, только что прибыл прямо с завода. Транспортник, но в нашем с тобой случае – пассажирский ковер-самолет. Вот на нем мы и полетим прямо в Гамбург.

Ханс Ешоннек оказался в одна тысяча девятьсот тридцать втором году в Липецке не случайно. Несмотря на свой молодой возраст, он достиг больших высот в иерархии возрождающейся немецкой военной машины. К моменту прибытия Курта в распоряжение секретной немецкой летной школы он как раз закончил курс обучения летчика-истребителя и занимал должность советника инспекции вооружений Имперского военного министерства. Его задачей на этом посту было негласное воссоздание ВВС Германии.

Ханс был разочарован тем, что не увидел у племянника того интереса, который обычно вызывает в молодых людях авиация, да еще так широко представленная в этом потаенном для всего мира месте.

«Но, с другой стороны, – подумал Ешоннек, – мне меньше забот. Пусть мальчиком займется дед».

А вслух произнес:

– Тебе, парень, предстоит многому научиться, надеюсь, потянешь университет. Ты нам нужен в бизнесе, дед уже в возрасте, а я видишь, чем занимаюсь.

Курт почувствовал, что Ешоннек ожидал от него чего-то другого, и напутствие по поводу университета – не то предложение, которое было для него приготовлено. Но, качнув головой в знак согласия, заверил дядю, что готов ко всему, что может быть полезным семье.

– Я, к сожалению, ничего не понимаю в самолетах, но если потребуется, то буду счастлив оказаться когда-нибудь за штурвалом одного из них.

«А мальчик-то непростой, – с удовольствием отметил Ханс, – умен и тонок».

Он потрепал Курта по щеке:

– Хорошо сказал, парень! Если проявишь характер, то при твоей интуиции далеко пойдешь.

Курт понял про интуицию, но не смутился, ведь он был искренен. И Ешоннек ему нравился: гладко причесанные черные волосы с аккуратным пробором, умное мужественное лицо, глаза, в которых отражался интеллект потомственного аристократа. Во всем его облике, крепкой изящной фигуре чувствовалась командирская струнка. Такому человеку легко подчиняться, в него хочется верить.

Да, Курт обладал той душевной тонкостью, которая дается человеку с рождения. Способность почувствовать истинные мотивы поведения приблизившихся к тебе людей, их скрытые от глаз переживания, искренность произнесенного ими. Все это было доступно заложенному изначально душевному строю юноши.

Как устроен механизм этой невидимой паутины причинно-следственных связей нейронов человеческого мозга и таинства души, известно, пожалуй, лишь Создателю.

В чем проявляется эта тонкость, если уйти от многословия ее оценок? В простых житейских вещах.

В данном конкретном случае в обстановке, когда молодому человеку, прожившему свои первые годы в одной системе координат, пришлось сменить ее на совершенно иную, когда нужно заново учиться элементарным вещам. Так, по крайней мере, показалось Курту в первые дни пребывания в доме своих предков.

Впрочем, деда с бабушкой предками называть было несколько странно, предками принято считать вроде бы тех, кто уже покинул этот мир, но на стенах двухэтажного особняка, который назывался непривычным Курту словом «вилла», висели портреты как раз тех, кого с полным правом можно было называть именно этим седым словом «предки». Но о них Курту стало известно позже, а первые впечатления от встречи с родителями отца оказались настолько сильными, что на время его переживания об утере привычного мира отошли на второй план.

Его встретили родные люди. И если Герберт Рихтер был сдержан, правда, лишь до того момента, как обнял внука и представил ему свою жену:

– Ну, а это, Курт, твоя бабушка Элизабет, – тут голос деда предательски задрожал, и ему пришлось незаметно, как ему казалось, провести по глазам ладонью, убирая набежавшую слезу, зато Элизабет, мужественно выдержав мужнино вступление, кинулась на шею внуку, не скрывая слез, и, прежде чем что-то произнести, осыпала его лицо поцелуями, изрядно намочив, так что Курт чуть было не рассмеялся от щеколки:

– Боже мой, какой красавец! Как ты похож на нашего мальчика. Ой, – замахала руками Элизабет, – ты и есть наш мальчик! Вы наши замечательные, чудесные, наши любимые...

Герберт обнял жену за плечи, успокаивая, а она не могла сдержать переполнявших ее чувств. Рыдания сотрясали ее полные плечи, вызывая тревогу у обоих мужчин. Но Элизабет сумела себя остановить, и дальше все развивалось так, как принято у людей, встречающих своих близких.

Курт сразу и безоговорочно проникся к обоим старикам самым нежным, по-детски доверчивым, уверенным в их абсолютной искренности, чувством. Так любила его мама, такими теплыми были ее объятия, оставившие в его душе неизгладимый след и вечную тоску, и словно перепрыгнув через поколение, это чувство вернулось в объятиях матери его отца. Курт испытал невероятное облегчение от этого узнавания, ему не придется притворяться, вести себя каким-то специальным образом, к чему он готовился, пребывая в сильном напряжении от ожидаемой неизвестности.

Герберт был очень похож на отца.

«Правильнее было бы, – подумал Курт, – сказать, что отец похож на деда, но так уж получилось, что Бертольд опередил его с уходом из жизни. – И еще от первого впечатления, от знакомства с Рихтером-старшим с горечью подумалось Курту: – Бертольд в свои сорок лет выглядел чуть ли не старше своего отца, которому исполнилось уже полных шестьдесят шесть».

Герберт был сух, подтянут, старили его разве что две неглубокие складки, шедшие параллельно друг другу от носа к губам, да седая, хоть и густая, шевелюра. И еще в глазах, ясных, живых таилось что-то, чему не решился дать ясное определение юный наследник: печаль, тревога, настороженность...

«Но с этим я разберусь позже, – проносилось в его голове. – Ну, а Элизабет...»

Ее глаза излучали одну лишь любовь. Высокая, под стать мужу, чуть располневшая, но не потерявшая гибкой грации и стройности женщина. Чистое, без вмешательства, по крайней мере явного, косметики, продолговатое лицо с миндалевидными серыми глазами, уложенные в высокую прическу черные волосы, лишь искрами пробитые сединой. Серебряный поясок вокруг талии и серебряная брошь в виде лилии украшали ее темно-синее бархатное платье. Элизабет никак не укладывалась в представлении Курта в понятие «бабушка». Тетушкой ее назвать можно было, но бабушка?! В России бабушки выглядели иначе, да и дедушки... Эти мимолетные, очень быстрые мысли, запутавшись в голове молодого человека, смешались в клубок. Но бабушка все-таки бабушка, решил Курт, вытянула из этого клубка нить и повела внука в гостиную, и так, держа в своих тонких пальцах эту нить, повела его и дальше в новую жизнь.

Она научила Курта бытовым вещам, от правильно выбранных приборов за столом до розжига газовой колонки в ванной комнате. Привила ему вкус к гардеробу, сразу приготовив весь джентльменский набор одежды, бритвенных принадлежностей и парфюмерии. Элизабет познакомила его с кругом своих друзей, очень остроумно комментируя особенности их характеров, взаимоотношений в кругу их семей и, особенно смакуя, впрочем, вполне добродушно, некоторые странности их поведения, их индивидуальные привычки.

Дед, признавая приоритет супруги в ознакомлении внука с новым окружением, выждав пару дней, начал с того, что привел его в подземный гараж особняка.

Солидные Mercedes-Benz Typ 770 и Horch 670 Sport Cabriolet вызывали бесспорное уважение и восхищение. Курту было сложно представить, что такие автомобили могут находиться в частной собственности, но то, что ему показал Герберт Рихтер, аккуратно свернув серое полотно с машины ярко-красного цвета, вызвало у юноши восторг, который он не в силах был скрыть.

– Боже, невероятная красота!

Герберт удовлетворенно хмыкнул, что для в высшей мере выдержанного человека было знаком особенной благосклонности, а в данном случае удовлетворения произведенным эффектом.

Alfa Romeo 8C 2300, сверкающая красным лаком элегантного кузова и никелем колесных дисков, доставленная прямо с завода всего за несколько дней перед прибытием наследника, была великолепно.

– Это мы с Элизабет хотим преподнести тебе в качестве нашего подарка по случаю твоего вступления в круг нашей семьи и возвращения на родину.

Герберт, сам почувствовав высокопарность произнесенного, попытался ее снизить и, похлопав машину по переднему крылу, протянул Курту ключи, добавив уже по-простому:

– Сядь, мальчик, посиди в ней, эти итальянцы понимают толк в комфорте, кресла очень удобные.

Курт, понимая, что отказ обидит деда, действительно испытал удовольствие, оказавшись за рулем одуряюще пахнущей новизной машины.

– Но я никогда не водил машину!

– Об этом не беспокойся, – Герберт, успокоившись, с удовольствием смотрел на внука.

Он почему-то волновался, ожидая реакции мальчика, только что прибывшего из России. Наслышан был о том, что там воспитывали молодежь в презрении к обладанию предметами роскоши и самому понятию личного богатства. Нет, у него не было абсолютно ясного представления об этом, так, отрывочные сведения из газетных статей и бесед с редкими в его кругу эмигрантами из России. Но искреннее восхищение Курта подарком деда успокоило.

– Наш водитель – очень опытный человек, научит тебя управляться с автомобилем в два счета.

Курт погладил никелированные обводы панели, провел рукой по тугой коже сидений, подержался за руль.

– Я, конечно, научусь водить эту чудесную машину, но вначале позвольте мне воспользоваться транспортным средством попроще, – и он указал на два велосипеда, прислоненные к стенке гаража, – мне хотелось бы вначале познакомиться с городом, проехаться по его улицам, тогда и с машиной справиться будет легче.

– Да, конечно! – Герберт был доволен, юноша говорил дельные вещи. Он и умен и тактичен, такой вывод сделал глава огромной бизнес корпорации, глядя на своего наследника Курта Рихтера.

Весь остаток лета был поделен между необходимым и удовольствием. Необходимостью были занятия, которые организовала Элизабет, пригласив преподавателей по основным школьным предметам. Ему нужно было адаптироваться к требованиям при поступлении в университет. Занятия давались ему легко, это удивило преподавателей, не ожидавших такого уровня знаний математики, физики и химии, которое молодой человек получил в советской школе. С гуманитарным объемом знаний внука познакомила Элизабет сама.

Тем увлекательнее после «необходимого процесса обучения» были поездки, исследовавшие город вдоль и поперек. В этом ему никто не мешал, но дед все-таки дал несколько советов, какие места следует посетить в первую очередь, и рассказал, как связана история семьи Рихтеров с особенно значимыми районами Гамбурга. Поэтому Курту был изначально определен маршрут, который и стал для него самым любимым и который он проезжал уже и после того, как ознакомился с другими районами большого города, проезжал, чтобы побыть наедине с собой, осмыслить все то новое, что пришло в его жизнь, и просто отдохнуть.

Он начинал движение от своего дома, расположенного на берегу озера Альстер, как позже ему стало понятно, самого, пожалуй, респектабельного городского района, и достигал за двадцать-тридцать минут Шпайхерштадта, места, где расположились шести-восьмиэтажные склады, сложенные из красного ганзейского кирпича.

Это был практически город в городе, склады ровными аккуратными кварталами тянулись между Эльбой и Верхней гаванью более чем на километр. Одна их сторона выходила к реке, другая – к улице, что позволяло подходить к пакгаузам и с реки, и с суши.

Эти строения, украшенные узорчатой кирпичной кладкой готического стиля с башенками и причудливыми фронтонами, были не просто функциональны, они были красивы. Дед рассказывал, что их строительство началось тогда, когда ему только исполнилось семнадцать лет. Район, в котором жила их семья на острове Кирвидер, для того, чтобы увеличить зону беспощлиной торговли у порта, попросту снесли, переселив в другие части города почти двадцать тысяч человек.

Но прадед Курта уже тогда торговал восточными пряностями, кофе, чаем и табаком. Он имел накопления и вложил немалую их часть в строительство первых складских помещений. Герберт живописно рассказывал о том, как забивали в русло реки первые дубовые сваи, которые стали деревянным фундаментом сооружений, как были спроектированы и устроены внут-

ренные помещения, снабженные лебедками, лифтами, пристанями и подъездными путями к повозкам и первым автомобилям.

С обладания обширными площадями в этом складском царстве началась империя Рихтеров. К торговле добавилось производство: фабрики, занимающиеся изготовлением консервированных продуктов, упаковки, металлической посуды, бумаги, рабочей одежды, а затем, ко всему этому, Рихтеры заключили контракты на поставку для армии обмундирования, провизии, горюче-смазочных материалов и целого списка сопутствующих товаров.

Торговля и производство стали международными, и компания закупила несколько многотоннажных судов, в конце концов превратившихся в собственное пароходство. Но пока два огромных восьмиэтажных пакгауза визуально олицетворяли для Курта могущество семейного бизнеса. Знакомство, как он полагал, со всем остальным у него впереди.

Побродив возле зданий, словно выросших из вод реки и каналов, он уезжал в район Штайнвердер, район доков и верфей, пересекая Эльбу по подземному туннелю «Санкт-Паули». Огромный лифт опускал всех, кому нужно было добраться в этот район, к самой трубе туннеля, и уже через полчаса Курт, поколесив среди грохочущих кранов, разгружающих бесконечные грузы у пирсов, среди раскинувшихся на сотни метров зданий верфей, находил на берегу Эльбы среди кустов и деревьев тихое место, где почти никто не бывал. Подолгу лежал в траве или, если попадались маленькие пристани с весельными лодками, садился в одну из них и тогда лишь позволял себе вспоминать.

Перед ним проплывали лица покинутых им друзей, он беседовал с ними, рассказывал, что приключилось с ним, оказавшимся в совсем другом мире, приглашал их в этот мир, мечтал поделиться тем, что теперь стало его обычной жизнью и что являлось совершенно недоступной, невероятной жизнью для них.

Ему представлялось, что каким-то чудом рядом с ним окажутся родители Ивана, Семен с Алевтиной, и он поведет их в ресторан на набережную озера Альстер, где официанты во фраках принесут им селедку Матъес, которую маринуют по пять дней в бочках. Об этом ему рассказала Элизабет. Она всегда, заказывая новое блюдо в тех ресторанах, которые они посещали, подробно рассказывала ему о том, что за кушанье подавали на стол. Да, или вот еще супом из угря он бы их угостил. Это, ему казалось, должно понравиться Алевтине. А может, потому эти рыбные блюда приходили ему на ум, что, отпробовав их, Алевтина могла бы сохранить свое достоинство и сказать:

– А наша-то ушица понаваристей будет, – и для пущей уверенности подпихнет локтем мужа, а тот крякнет и опрокинет стопку русской водки.

– Нет, – тут же поправлял себя Курт, – конечно, ему нужно выпить пиво, замечательное пиво Holsten. Да! И потом Семену мы подберем что-нибудь мясное. Ну, во-первых, немецкие колбаски и сосиски, и еще запеченную свиную ножку, например, или жаркое из говяжьей печени.

К этому моменту у Курта самого начинало сосать под ложечкой, и он отправлялся в ближайшую закусную.

Но чаще все-таки ему представлялся в гостях Иван, и тут мысли уносились в такие дали, из которых непросто было возвращаться в действительность. Он представлял, как Иван сядет вместе с ним в шикарную Альфа-Ромео, но тут же вместо Ивана на черном кожаном сиденье оказывалась Ангелина. Зажмурившись, Курт брал себя за горло, причем реально сжимал его рукой, без этого движения воображение не срабатывало в момент, когда он заставлял себя переменить этот сюжет. Ивану он отдавал место за рулем, а Ангелина пусть остается на прежнем месте. Да, он подарит им эту машину, ведь она ему по праву принадлежит... а вот представить, что будет происходить дальше, у него не получалось или не хотелось. Представлять этих двоих самых для него дорогих людей, исчезающих в красном кабриолете где-то за гори-

зонтом, и не иметь возможности влиять на то, что между ними может происходить, а он ясно осознавал, что именно может происходить между Иваном и Анжелиной, когда они окажутся так близко друг от друга в тесной кабинке чудесного автомобиля... Нет, это было свыше его сил...

Однажды на исходе лета Курт оказался на тихой улочке в районе Альстерзее. Он шел под накрапывающим дождиком по скользкой от редких капель брусчатке, намереваясь выпить кофе с булочкой в находившемся неподалеку кафе. Еще горячее солнце сквозь неплотные тучи нагрело мостовую, и дождевая вода, испаряясь, наполнила воздух запахом теплого камня, смешанным с ароматом свежесмолотого кофе, сдобы, легкого дымка из трубы расположившейся рядом пекарни. И таким теплом, таким домашним уютом повеяло на него от всего этого, от окруживших его старинных домов с черепичными крышами, от тихой умиротворенной жизни их обитателей, пения птиц в небесной вышине, что впервые после его приезда в Германию Курт почувствовал всем своим естеством: «Я дома».

Курт поступил на юридический факультет Гамбургского университета. Так решил дед, и у Курта не было причин возражать. В управлении делами всегда нужен хороший юрист, а в том, что внук займется делами семьи, Герберт не сомневался.

Курт с удовольствием погрузился в студенческую жизнь, ушло ощущение неопределенности, стали понятны задачи на ближайшие годы. Он перестал чувствовать себя иждивенцем на содержании у дедушки с бабушкой, он стал человеком, перешедшим в ранг полноценного члена семьи, занимающего определенную, уважаемую всеми ступень, позицию, на которой он готовился стать специалистом, способным на равных зарабатывать хлеб насущный.

Окружающая действительность мало интересовала Курта, да он и не разбирался в политической ситуации, которая, тем не менее, была очень острой и в конце концов не могла не затронуть каждого, кто находился в социуме, тем более в студенческой среде. Дед вовсе избегал с ним разговоров на эту тему. Элизабет, как только ей приходилось касаться происходящего на улицах, в рейхстаге и на страницах газет, хмурила брови и меняла тему разговора, лишь иногда бросала:

– Молодежь перебесится, и все успокоится.

Из чего Курт делал вывод, что где-то кто-то все-таки бесится. Но ему настолько это было неинтересно, что он отмахивался от информации, будоражащей общество.

Впервые ему пришлось столкнуться с действительностью в университете, когда к нему подошел студент предпоследнего курса Йоганн Леманн. Первое, что пришло в голову Курту, как только Леманн протянул ему руку, как он похож на Ивана. Светлые волосы, зачесанные наверх, умные с искрой голубые глаза, загорелое, чуть вытянутое лицо, спортивная фигура. Он, конечно, видел его не раз в коридорах университетского кампуса, слышал, что этот парень всегда в центре внимания, легкий, общительный, спортсмен, на хорошем счету у преподавательского состава. Но непосредственного общения с этим человеком прежде у Курта не было. Он был удивлен неожиданным вниманием, которое Леманн проявил к нему, первокурснику, ничем не примечательному, скромному студенту.

– Рихтер, – начал Йоганн, – ты ведь из семьи тех самых Рихтеров? – И он многозначительно поднял брови. Курту это не понравилось. Ему не хотелось выделяться среди студенческого сообщества принадлежностью к богатой семье, но Йоганн так дружески сжал его руку, с такой непринужденной теплотой произнес эти слова, что обидеться не получилось.

– Ты, я надеюсь, в курсе, что наша ратушная площадь теперь носит имя Адольфа Гитлера. Вот по этому поводу там завтра, двадцатого апреля, состоится митинг, на который придут все наши ребята. Я думаю, твое место среди нас.

Йоганн закончил и, слегка наклонив к левому плечу голову, вопросительно взглянул на Курта.

Многие студенты носили специальную форму: коричневые рубашки, галстук, бриджи. Но все они были со старших курсов. Курт видел, как они часто собирались на спортплощадках, пили пиво, о чем-то громко кричали. Вот они, по его мнению, и должны были участвовать во всех этих митингах, напоминавших Курту похожие мероприятия в России, на которых он обычно скучал и не поддавался всеобщему восторгу. Но ответить отказом было бы в такой ситуации бестактно, и Курт согласился:

– Конечно, раз так, то я приду.

– Действительно, следующим вечером площадь Ратхаусмаркт была заполнена до предела. Переносная трибуна у входа в ратушу была увенчана огромной, в полтора человеческого роста, свастикой. Курт не знал тех, кто выступал. Один за другим они подходили к микрофону, разносившему их речи по всему городу. Некоторые из выступавших были в штатском, но большинство носили коричневую форму штурмовиков СА и черную форму СС. Их встречали громкими криками одобрения, свистом и рукоплесканиями. Курт чувствовал себя неловко, он не понимал, чем эти господа, форсируя голос, так заводили публику. Они не сообщали ничего, кроме простых банальных лозунгов:

– Нас унижали, но мы встали с колен, мы – великая нация, мы сплотимся и накажем всех своих врагов.

И в конце все обязательно, все без исключения, славили Гитлера. Впрочем, суть была не в речах, а в самом действии, в единении тех сил, которые поддержали Адольфа Гитлера, человека, который собирался навести порядок в стране, и от этого, как все ожидали, должна была улучшиться экономика и материальное положение немцев. К тому же всем надоела предвыборная чехарда, конец которой в январе этого года положил приход Гитлера к власти, назначение его рейхсканцлером.

После митинга Йоганн пригласил Курта и еще нескольких своих друзей в пивной бар на улице Репербан. За большим длинным столом уместилось около двадцати человек. Курт один среди всех был в штатском и был единственным первокурсником, остальные или заканчивали университет в этом, тридцать третьем году, или находились на предпоследнем курсе. Йоганн рассказывал о том, как принимал участие вечером тридцатого января в факельном шествии в Берлине перед Бранденбургскими воротами в честь назначения Гитлера Рейхсканцлером.

– Я никогда не забуду те чувства, которые испытывал в том строю с такими же, как я, как вы.

Йоганн обвел рукой всех сидящих за столом, его глаза горели, щеки от выпитого пива и от охватившего воодушевления пылали.

– Мы впервые по-настоящему поверили, что над Германией распростер крылья ангел. Мы плакали! Да! – Йоганн поднялся, держа перед собой кружку. – Мы, мужчины, плакали от восторга, всем нам стало ясно, во главе немцев встал человек, который возродит нацию, он вселил в нас абсолютную уверенность в том, что с этого дня, с этой ночи, озаренной факелами, начнется подъем духовности народа, подъем во всех областях жизни страны, впереди воистину светлое будущее для каждого из нас.

Так Леманн говорил еще некоторое время. Когда он закончил, все вскочили, громогласно выражая восхищение сказанным их товарищем и, по всеобщему признанию, вожаком. Курт слушал его со смешанными чувствами. С одной стороны, ему претил запредельный пафос звучащих слов, но с другой, он позавидовал той непреклонной, абсолютной уверенности светловолосого красавца в правильности того, о чем он говорил.

Он был из тех, недоступных пониманию Курта людей, которые точно знали, как должно быть, как правильно надо поступать, отвергая всякие сомнения. Он-то сам сомневался во всем, он жил среди полутонов. Так, смешивая краски перед тем, как нанести их на холст, он избе-

гал радикальных цветов, предпочитая недосказанность, предлагая каждому самостоятельно решить, где истина.

А потом Леманн подсел к Курту, занявшему скромное место у самого края стола, и, дружески обняв его за плечи, прошептал:

– Ну, как я зажигал? Смотри, как всех проняло.

И Курт рассмеялся, ему вдруг стало легко. Этот симпатичный парень вовсе никакой не упертый долдон, он артист и циник, а это намного предпочтительнее фанатиков-патриотов, которых так много окружало его и его близких в России. «Может быть, я не разбираюсь в политике, – подумал Курт, – но в человеке отличить лукавство от искренности в поведении и высказываниях вполне могу. Значит, и в этом блондине я не ошибся».

– Что смешного я сказал? – насторожился Йоганн.

– Я не над твоими словами, я над собой смеюсь.

Курт посерьезнел и посмотрел Йоганну в глаза.

– Ну и ладно, – тот после короткой заминки хлопнул Рихтера по плечу, – споемся. А теперь я тебя представлю обществу, – и он поднялся, предложив наполнить кружки.

– Друзья, примем в наши ряды новичка. И чтобы много времени на этого юнца не тратить, скажу так: пусть войдет в нашу компанию под мою поруку.

И под всеобщее ликование Курта заставили выпить полную кружку пенящегося светлого.

С момента знакомства с Йоганном Леманном жизнь Курта изменилась. Он перестал быть сторонним созерцателем происходящих вокруг него событий и стал их участником. Йоганн оказался, при совсем еще молодом возрасте, ему только исполнилось двадцать пять, весьма сведущим в разных областях светской и богемной жизни Гамбурга. Кстати, он не праздновал свои дни рождения, это была одна из его странностей. Как-то за кружкой пива, в момент откровений, он объяснил Курту эту свою позицию.

Он рассказал, что рано потерял родителей и воспитывался в семье двоюродной сестры матери, женщины, лишенной всяческого понятия о душевной теплоте и каких-либо сантиментов. Старая дева, обозленная отсутствием мужского внимания, исполняла свой долг, приютив шестилетнего мальчика, подчеркнуто формально. Вся ее обида, с годами переросшая в неприязнь ко всему мужскому, вылилась на племянника.

– Мои дни рождения превратились в сухую констатацию очередного прошедшего года. Тетка делала зарубку на дверном косяке, измеряя мой рост, и к скромному ужину добавляла кусок пирога с капустой.

– Ты, – обращалась она ко мне, сложив на тощем животе жилистые руки, – стал старше на год и должен вести себя с большей ответственностью.

Вот и все поздравление. Но надо отдать должное этой женщине, ее педантизму. Йоганн получил образование, и вполне разностороннее. Кроме школы он посещал занятия по истории искусств Германии, в старших классах – философский факультатив и спортивную секцию по легкой атлетике. Тетка считала, что таким образом все свои обязательства перед покойной сестрой она выполнила. И Йоганн, рассказывая Курту о ней, не скрывал того, что при всем том, лишенном тепла и ласки, детстве, испытывал к этой одинокой несчастной женщине благодарность. Ему хватило тонкости ума понять, что тетку стоило жалеть, сострадать в ее неудавшейся жизни. Стоило быть благодарным за то, что пусть и чисто рациональные соображения направляли ее участие в его становлении, они тем не менее сыграли благую роль в его жизни.

А вот дни рождения он так и не полюбил, Впрочем, как догадывался Курт, в эти дни Леманну нравилось отдаваться сплину, тоске по матери, релаксировать, отступая от своей кипящей реальной жизни, наполненной событиями, принятия решений, борьбой со всем миром.

Он запирался в комнате, запасшись выпивкой и пирогом с капустой. Он покупал этот пирог всегда в одном и том же месте, в булочной, откуда приносила один единственный кусок, не брала даже для себя, только ему, как бы подчеркивая отдельность своего и его одиночество, тетка. Он брал целый пирог, поедая его вместе с пивом, растягивая эту праздничную трапезу на весь день, расцветивая ее клубами сигарного дыма и убажывая слух оперными ариями, любуясь с граммофонных пластинок, коллекция которых была его гордостью.

В течение месяца Йоганн вместе с Куртом раздвигали один за другим занавесы, за которыми скрывались прекрасные цвета, формы, имена и мелодии, они наполняли свою жизнь эмоциями, переживаниями, наслаждением и усталостью от бесконечности впечатлений. Йоганн показал юноше весь калейдоскоп того, что рождало атмосферу большого города, европейского города, который был все еще загадкой для Рихтера. Ведь он, по сути, оставался человеком иной цивилизации. Курт успевал лишь в некоторых местах этого брызжущего впечатлениями путешествия затормозить время и почувствовать их остроту.

Он впервые оказался в художественном музее, Гамбургском Кунстхалле, где увидел огромную коллекцию картин. Прежде некоторые из них ему довелось рассматривать на страницах редких журналов на занятиях живописью в школьном кружке. А тут шедевры гордыми рядами располагались вдоль бесконечных стен, и Курт стоял перед ними, не в силах отвести взгляд. Он ведь представлял себя хоть и начинающим, но все-таки художником. Музей владел прекрасной коллекцией немецкой и французской живописи семнадцатого-восемнадцатого, конца девятнадцатого и начала двадцатого веков. Его пленили пейзажи Макса Либермана, он восхищался его «Террасой с видом на цветник в Ванзее», пугающей показалась картина Каспара Давида Фридриха «Странник над морем тумана».

Фигура опирающегося на трость одинокого человека, стоящего на скале, направившего взгляд в бесконечные, уходящие к горизонту облака тумана. Неизведанность будущего. «Этот туман, – думал Курт, – никуда не делся. Мы все сегодня живем на той скале, мир зыбок и непредсказуем. Романтизм художника, его беспокойство о будущем, вечная боль человечества в чистом виде. Разве не то же испытывают сегодня люди и там, в России, и здесь, в Германии?»

Блуждая по залам музея, Курт сделал для себя вывод: немцы фундаментальны и несколько тяжеловесны, французы изящны и легки, так ему показалось.

Пейзажи Коро, импрессионисты Дега, Ренуар, Мане, Клод Моне, Поль Сезанн. Их полотна, наполненные светлой радостью, многоцветьем красок, потрясающим вовлечением в изображенное на холсте, необыкновенно волновало. Курт просто чувствовал, как пахнут «Белые кувшинки» Клода Моне, он словно окунался в невероятные краски луга, усыпанного красными маками, которые смотрели на него с полотна «Маки в Живерни», будто с холста они переместились в зал. «Вот настоящие художники! – вертелось в голове. – Куда мне до них». – И эта простая мысль похоронила мечты юноши приобщиться к клану мастеров изобразительного искусства. Только в начале он на этот печальный вывод не обратил внимание, но затем каждый раз, как только возникало желание взять в руки кисти или карандаш, перед ним всплывали полотна импрессионистов, и руки опускались». Я никогда не смогу достичь такого мастерства, такого вдохновения, как эти гении, а тогда и не стоит заниматься этим делом». Таков был приговор.

– Идем, идем дальше, – тянул Курта за рукав Йоганн, – тут много еще всего, выпитывай, но не так долго, у нас еще полно дел.

Потом была музыка знаменитого варьете Hansatheater. Там они попали в мир удивительных актеров, музыкантов и танцовщиц. Курту посчастливилось увидеть мужской вокальный ансамбль Comedian Harmonists. Это было весело, остроумно, несколько фривольно, но исполнялось великолепным вокалом молодых ребят с такой непосредственной непринужденностью, что восторг публики был предрешен. Курту повезло, он попал на их концерт, который оказался

последним в Германии. Трое из шести ее участников были евреями и вынуждены были эмигрировать. Ансамбль распался и в усеченном виде ни одна из его частей успеха уже не добилась.

Приезжала в Гамбург и американская звезда, «Черная Венера» Жозефина Бейкер – танцовщица и певица. Курт впервые увидел в ее исполнении те движения, что назывались чарльстоном. Красавица танцевала зачастую в таком коротком платье или в юбочке из одних бананов, что дамы покидали зал, а мужчины оставались и хлопали до потери сил.

Так, от высокого искусства перемещаясь к более массовому, друзья оказались в районе Санкт-Паули на замечательной улице Репербан, прозванной обывателями «Греховной милей».

Рихтер не сразу понял, в каком заведении оказались он, Йоганн и еще трое приятелей Леманна. Внешне весь антураж походил на небольшое варьете с залом в виде амфитеатра, со сценой, на которой несколько девушек неспешно изображали что-то вроде медленного танца вокруг двух никелированных шестов, уходящих от пола к потолку. Два десятка мужчин разных возрастов сидели за столиками в нишах наподобие театральных лож, опоясывающих сцену полукругом. Зал был украшен лепниной, свечами в канделябрах и витражом на потолке. Диваны в розовом бархате и розовый с голубым ковер на полу завершали вычурный и душноватый антураж. Все стало понятным, когда Леманн указал ему на одну из девиц, которая, словно акробатка, выгнулась мостиком у шеста.

– Возьми эту, ее зовут Ванда, она полька, очень милая и невероятно хороша в своем деле.

Девушки исчезали одна за другой и через некоторое время вновь возвращались, привычно улыбаясь публике. На столе не заканчивалось пиво, орешки, сушеные фрукты. Заботливый персонал пополнял запасы хрустящего и пенящегося моментально.

Курт, несмотря на то, что не произнес ни слова и явно растерялся от необходимости соответствовать разгоряченным парням из их команды, которые наперебой обсуждали женщин и двое из которых уже ушли вслед за администратором, не успев сообразить, как вести себя в этой ситуации, был подхвачен улыбающимся сотрудником заведения, мужчиной борцовской внешности и, расслышав сквозь шум оглушительной музыки, что его ждет Ванда, покорно последовал за ним. Курт решил, что сумеет справиться с неожиданным поворотом событий, тем более, что никакого возбуждения полуобнаженные тела девушек у него не вызвали. Он испытывал одну лишь неловкость и неожиданно возникший страх прослыть девственником в глазах сопровождавших его спутников.

– Удачи, – шлепнул его по плечу Леманн, – за все уплачено, – он подмигнул Курту, – я угощаю.

Спальня оказалась очень аккуратной: широкая кровать, столик с зеркалом, душевая кабинка, стены обиты тканью с вышитыми золотом лилиями на красном фоне. Все очень чисто, белье только из прачечной, с запахом лаванды. Все это успокоило Рихтера. Ванда оказалась невысокой, крепко сбитой девчонкой, на вид не старше лет пятнадцати. Когда она села к нему на колени, расстегнув на его рубашке две верхние пуговицы, Курт вдруг почувствовал, как острое желание захлестнуло все его естество. Если плечи и грудь девушки действительно могли сойти за совершенно юное создание, то ляжки – полные, тугие и горячие – свидетельствовали о том, что к нему прижалась вполне зрелая женщина. Раскосые кошачьи глаза, полные губы, шелковистые каштановые волосы щекотали его лицо. Все кричало о желании взять ее, но лишь до того момента, когда Ванда заговорила:

– Ну что, мальчик? Не стесняйся! Или в первый раз? – и она расхохоталась.

Курт вежливо отстранил девицу, увидев на столе сигареты, попросил разрешения закурить, и потом уже пристально рассмотрел польку. Пудра, помада, тушь на ресницах словно под увеличительным стеклом проявились перед ним, лишив девушку призрачной свежести. Она, почувствовав перемену в его настроении, стала серьезной:

– Эй, парень, ты куда улетел? Я что-то не так делаю? За тебя заплатили, так что давай, вперед.

Ванда мгновенно скинула с себя лифчик и трусики, легла на постель и выгнулась, тихо застонав. Она была красива, но Курт, потушив сигарету, попросил ее не волноваться и, если не трудно, одеть на себя то немногое, что прикрывало самое главное.

Он уже совершенно успокоился. Ему давно было ясно, что он будет всех женщин, встреченных на своем пути, сравнивать с Анжелиной, но в этот раз сработало нечто иное. Может быть, когда-то в будущем он и сможет воспользоваться услугами женщины за плату, но не сейчас. Это не было брезгливостью и, встретить он эту Ванду где-нибудь на улице или в баре, он мог бы согласиться заняться с ней любовью, даже если бы знал, что она проститутка. Но тут, в этой обстановке конвейера эта ее заученная манера вести себя с клиентом, ее смех отравили его от желания совершенно.

– Дорогая Ванда, ты очень красивая, но понимаешь, я просто не в форме. Сделай милость, давай просто посидим и поговорим, а твоим хозяевам я сообщу, что ты супергорячая штучка.

Девушка моментально расслабилась, убрала деланную кошачью грацию и, накинув халатик, уселась на кровать по-простому, основательно, так женщины в деревне усаживаются пообедать на расстеленную дерюжку в тени стога сена после тяжелой работы в поле. Отерев платком пот со лба, они отрезают неспешно краюху от прижатого к груди испеченного в домашней печи каравай и едят хлеб, запивая молоком из глиняной кринки. Ванда вместо хлеба и молока глубоко затянулась дымом сигареты и уже другим тоном, добавив в голос хрипотцы, спросила:

– А что за сложности у тебя, мальчик? Может, чем помочь смогу? – И она в этот момент была искренна. Помочь тому, у кого что-то не так в жизни всегда готовы те, у кого вся жизнь пошла не так. Жизни, о которой эта польская красивая молодая женщина мечтала в детстве, бегая по двору в родном селе, в платице, сшитом мамой, с косичками, заплетенными бабушкой, не случилось. Угораздило их в двадцатом году оказаться под Варшавой. Решили поторговать вместе с односельчанами продуктами, а на вырученные деньги одежды кой-какой прикупить, да обуви, и попали под обстрел своих, тех, кто принял несколько повозок с жителями села за красноармейский обоз.

– Ну, ты как? – Вопрос Леманна повис в воздухе. – Не твой контингент? Я так и думал.

Курт молча шел рядом, не реагируя на полушутливые выводы наблюдательного товарища. «А отчего этот товарищ так обо мне заботится? И вообще, чем я так интересен этому парню?» – такие вопросы приходили Рихтеру в голову, но он старался не концентрироваться на них. С Йоганном было интересно и в общем-то престижно, а как противостоять юному первокурснику искушению примкнуть к самому авторитетному человеку в университете? По всей вероятности, он видит во мне просто наследника одного из самых значительных состояний Германии. Но, может быть, ему со мной действительно нравится проводить время? Курт чувствовал, что отличается от всех, с кем ему приходилось иметь дело в эти первые месяцы среди студентов факультета. Нет, он не думал, что выделяется своими способностями или внешностью. Скорее потому, что он оттуда, из страны, которая для всех является Terra Incognita. Может быть, в этом причина?

Эти догадки, одна заменяя другую в зависимости от ситуации, не оставляли Курта весь этот месяц. Месяц, кипящий событиями, впечатлениями, знакомствами и узнаванием реальной жизни. Йоганн не остановился на заведении с розовыми диванами.

– Может, и к лучшему, что у тебя к проституткам душа не лежит. Кстати, ты знаешь, что бордели сегодня в Германии под запретом?

Курт удивился:

– Там все выглядело так открыто, так уверенно, не вызывая сомнения в легальности их работы.

– Да, верно. Но понимаешь, какая штука, федеральный центр запрещает, а местная полиция не согласна. Она их, этих хозяек вместе с девочками, обслугой, баром и музыкантами «контролирует», – Йоганн рассмеялся, – они резонно утверждают, пусть лучше девицы будут в чистоте и под защитой принимать клиентов, чем шариться по подворотням, рискуя нарваться на нож или дурную болезнь. И они «контролируют»... бесплатно, разумеется. Порой сюда захаживает и само полицейское начальство. Так что хозяйка заведения чувствует себя спокойно.

Уже расставаясь, Йоганн, задержав руку Рихтера в своей, произнес, подмигнув:

– Мы пойдем другим путем, нарушим покой девушек иного рода, я познакомлю тебя с одной... – Он освободил руку Курта и сделал реверанс так, словно в его руке была шляпа с пером. И уже отойдя на пару шагов, добавил:

– Да, и пора включить в нашу программу твоего красного жеребца по имени Альфа-Ромео.

Ирма Зигель резко повернула голову в их сторону, и каре черных волос метнулось вслед за этим движением, на мгновение закрыв лицо. Йоганн окликнул ее, заметив в стайке девушек, расположившихся в тени деревьев во дворе учебного корпуса, куда студенческая молодежь выбегали передохнуть в перерыве между парами. Когда она подошла к Леманну, высоко подняв подбородок и слегка выпятив пухлую верхнюю губу, Курт подумал, что девушка выразит недовольство той бесцеремонностью, которую позволил себе Йоганн. Но она произнесла нечто совершенно неожиданное:

– Ну давай, сводник, знакомь меня с очередным недотепой, неспособным самостоятельно подойти к девушке.

Первой реакцией Курта было желание немедленно скрыться от этого позора, но он не успел.

– Ирма, – она представилась, протянув ему руку. Девушка смотрела на него своими распахнутыми глазами, и ее лицо, белый безукоризненный алебастр, излучало непреклонность, которой невозможно было не подчиниться. Курт успел рассмотреть ее всю в то короткое мгновение, пока ее рука находилась в его ладони.

Мальчишеская тонкая фигурка в свободной, кажущейся не по размеру, одежде, белая кофточка и голубая юбка в складку. Вся ее выверенная до миллиметра позиция, откинутые в развороте плечи, легкий прогиб назад, протянутая, словно для удара шпагой рука, свидетельствовали о природной уверенности в себе, в своем теле.

«Наверное, гимнастка», – мелькнуло у Курта в голове.

– Меня зовут Курт, – он произнес это таким приниженным тоном, что аж передернулся от досады, и уже другим, как ему казалось, мужественным голосом: – Рад познакомиться, – и это прозвучало еще более фальшиво и оттого не менее жалко.

– Да, придется поработать с мальчиком, – эта фраза, обращенная спортсменкой к Леманну, вконец разозлила Курта и вернула в нормальное состояние.

– Извините меня, Ирма, вы произвели на меня обескураживающее впечатление, и я растерялся. Но поверьте, я вовсе не маленький мальчик и, надеюсь, смогу вам это доказать.

Ирма рассмеялась и вновь протянула Курту руку:

– Ценю вашу искренность, – и неожиданно сильно сжала его ладонь. Йоганн заплодировал.

– Ну все, теперь я за вас спокоен. Увидимся завтра на площади у ратуши.

Завтра было пятнадцатое мая одна тысяча девятьсот тридцать третьего года. Ирма не пришла на площадь и не смотрела на пылающий в ночи костер, огромный, разбрасывающий

искры на сотни метров, в котором горели книги. Курт не верил своим глазам. Студенты попеременно с боевиками из СА и СС с огромным энтузиазмом неустанно подносили пачки книг, хватая их из кузовов грузовиков, доставлявших тысячи томов из библиотек государственных и частных к своему невероятному финалу, сожжению на костре.

Накануне вечером Йоганн сообщил ему, что обязательно нужно будет явиться к девяти часам вечера к университету и вместе с товарищами отправиться на мероприятие важнейшей политической значимости. И сколько не задавал Курт вопрос, какой именно значимости, ответа не получил. Он стоял, смотрел на огонь и думал: «Если бы Йоганн сказал мне, по какому поводу организовано это собрание, пошел бы я сюда?» – И не находил ответа. Да и, честно говоря, после того, что случилось в Берлине за пять дней до этого на площади Опернплац, у осведомленного человека не могло не вызвать догадок о том, для чего могут собирать молодежь поздно вечером на площадях немецких городов.

Курт впервые увидел Леманна в черной форме СС на фоне пламени, пожирающего страницы произведений, с детства почитаемых семьей Рихтеров: Генриха Гейне, Генриха Манна, Стефана Цвейга, Бертольда Брехта.

Йоганн не бегал вместе со всеми от грузовиков к костру. Он курил, глядя на огонь, изредка отдавая распоряжения молодым людям в коричневой униформе. Заметив Курта, он подошел к нему:

– Не вижу в вас, молодой человек, всеобщего восторга по поводу уничтожения всего, что противоречит нашей немецкой идентичности, к которой посмели прикоснуться своими грязными мыслишками всякие там еврейчики.

Йоганн говорил, близко придвинувшись к своему юному другу, практически кричал ему, но во всеобщем гвалте, шуме огня и громящей в репродукторах музыки его крик походил скорее на шепот. Курт с облегчением ощутил в эскападе Йоганна сарказм:

– Какого черта ты заставил меня на это смотреть? И что на тебе за форма?

Йоганн приобнял Курта за плечи и теперь уже действительно зашептал ему прямо в ухо:

– Во-первых, надень на лицо что-нибудь соответствующее событию, растяни, пожалуйста, свой рот в том, что называется улыбкой. Обо всем остальном поговорим завтра, и разговор будет серьезным, ты ведь уже взрослый мальчик, вот и докажи это не только красотке Ирме, – Йоганн хохотнул, – но и мне. А моя форма – это наше с тобой будущее, кстати, согласись, что она мне идет, – и Леманн вновь коротко рассмеялся, – об этом тоже завтра. Побудь тут как минимум до тех пор, пока костер не начнет гаснуть. Личная моя просьба, – и в этих последних словах Леманна зазвенел металл.

Йоганн назначил Курту встречу в пивном баре на Репербан на вечер, а днем в свой кабинет позвал внука Герберт Рихтер.

* * *

Дед сидел за столом, слегка от него отодвинувшись, так он поступал, когда беседа предполагала быть долгой. Напротив утопал в мягком кожаном кресле господин с сигарой. Он встал, когда Курт вошел, и, оставив сигару во рту, протянул юноше обе руки. Из-за дыма, выходящего с раскаленного кончика сигары, он прищурил левый глаз, и от этого загорелое худощавое лицо Гедальи Розенштерна, так он представился, приобрело облик классического пирата. Это сходство не укрылось от Курта, и тут же было подтверждено Гербертом. Он вышел из-за стола, приобнял Гедалью за плечи и улыбнулся:

– Хочу тебе представить этого наследника морских испанских разбойников, который в настоящее время является большим другом нашей семьи и, что важно тебе знать, нашим банкиром и основным партнером в судостроительной сфере.

Заметив удивленное выражение на лице Курта, Гедалья посчитал необходимым разъяснить слова своего друга по поводу испанских разбойников.

– Мой прапрадед, его звали Шмуэль Палацци, был сыном главного раввина Кордовы.

Розенштерн пыхнул сигарой, вновь усаживаясь в кресло. Герберт разлил в маленькие рюмочки коньяк.

– За знакомство!

После того, как все трое выпили, Гедалья продолжил:

– Так вот, этот святой человек, – и он снова прищурил левый глаз так, что все рассмеялись, – прибыл в Амстердам в конце шестнадцатого века. Он был очень зол на испанскую корону, которая обошлась с евреями очень плохо, – и, подкрепляя эту скромную фразу, добавил: – Поубивали чертову уйму народу, ни детей, ни женщин, ни стариков не щадили, в живых оставили только тех, кто крестился. – Ну, это известная история, – Гедалья остановился, помусолил кончик сигары и кивнул Герберту на пустую рюмку. Тот тут же наполнил ее, затем свою и вопросительно посмотрел на рюмку Курта.

– Лей, лей! – Гедалья помахал сигарой, утверждая необходимость включить в процесс выпивки и юного наследника, – для разговора нужен единый градус у каждого собеседника.

– Так вот, этот мой сердитый пращур развил в Голландии кипучую деятельность, создал еврейскую общину, наладил торговлю с Северной Африкой, представлял в Голландии марокканского султана. Одним словом, заработал кучу денег и профинансировал строительство пиратского флота, целью которого было нанесение максимального урона Испании, но все в рамках согласованного с правительством Голландии договора. Да, так флот этот возглавил его брат Иосиф, вот этот парень уже был настоящим, как говорится, еврейским пиратом.

Розенштерн, как бы ставя точку в рассказе, потушил сигару, крепко прижав ее тлеющий кончик к стеклу пепельницы.

– Ну, а верфи, которыми мы владеем совместно, – и он сделал жест в сторону Герберта, – прошли долгий путь. На них когда-то закладывались парусные галеоны и каравеллы, а теперь чуть не половина торговых судов Европы строится в Голландии, и немалую долю в этот бизнес вносят наши верфи и там, в Голландии, и здесь, на Эльбе.

Гедалья посмотрел на стоявшие в углу напольные часы, которые густым басом отбивали третий час. Герберт поднялся:

– Курт, у меня к тебе просьба. Посмотри отчет по складскому хозяйству за прошлый месяц, ты ведь уже почти специалист по бухучету.

И он проводил внука в библиотеку, которая примыкала к кабинету и была отделена от него двухстворчатой дверью. Он вручил Курту толстую пачку бумаг и вернулся к гостю, оставив дверь приоткрытой. Курт вовсе не был уверен в своих способностях как бухгалтера, тем не менее попытался вникнуть в документы, касающиеся учета прохождения товара через склады, расположенные в Гамбургском филиале компании. Но уже через несколько минут ему стало ясно, что дед имел иные цели, оставив открытой дверь, и бумаги эти – лишь предлог оставить Герберта наедине со своим партнером при том, что ему было нужно, чтобы Курт мог слышать, о чем они с Розенштерном беседуют. Гедалья, конечно, понимал, что его разговор с Гербертом не станет для Курта тайной, но, видимо, обоим так было удобнее говорить о неприятном, не имея перед глазами юношу, чья реакция на услышанное могла их смутить.

– Когда? – Герберт задал вопрос, который был продолжением прежнего разговора.

– В следующий четверг мы с Ионой отплываем на «Albert Ballin» в Нью-Йорк. Рами останется в Берлине еще на месяц, надо закончить кое-какие дела, и ему это по силам.

– Элизабет очень переживает, хотела бы попрощаться с Ионой, я надеялся, что вы приедете вместе.

– Я так и планировал, но после того, – Гедалья достал вторую сигару, долго прикуривал, – ты помнишь, что творили штурмовики и особенно эсэсовцы первого апреля? Они встали

у дверей нашего банка и орала на всю улицу о том, что этот банк еврейский. Наклеили на стекла желтые шестиконечные звезды. Но особенно отвратительно они вели себя возле нашего магазина с яхтенным инвентарем, что у входа на верфь. Такое пастельное место, берег Эльбы, весна, птички поют, и Йона оказалась там именно тем утром. С тех пор не выходит из дома, ждет отплытия, ни с кем не хочет общаться. Вы должны извинить ее, она очень любит Элизабет и тебя, но ей кажется, что она унижена и может вызывать только жалость, или, еще хуже, брезгливость окружающих. Знаешь, что она мне сказала в тот день вечером за столом? «Если бы я решилась взять винтовку и застрелить нескольких из тех скотов, тогда я не чувствовала бы себя так мерзко!» И когда я объяснил ей, что толпа растерзала бы тебя в тот же миг, как только ты подняла бы ствол этой винтовки, она ответила мне:

– Гедалья, может быть, это лучший выход – умереть так, хватит с нас безответных погромов!

– Это все ужасно, мой друг, но я уверен, немцы не станут безучастно смотреть на этот разгул черни. Эта волна пройдет. Гитлеру нужно некоторое время для того, чтобы восстановить порядок и запустить маховик экономического развития. Страсти сойдут на нет и все успокоится.

– Герберт, я младше вас, но ненамного, так что позволю себе вам возразить. Во-первых, в рядах НСДПА далеко не только чернь. Там полно врачей, учителей, и прочих писателей и артистов. Во-вторых, похоже на то, что Гитлер сделал антисемитизм основой своей идеологии. Вы видели его апрельский декрет, определяющий статус «не арийца»? Этот документ совсем не похож на какую-то временную меру и, естественно, под это определение в первую очередь попали и были поражены в правах евреи. Ты хоть представляешь, сколько народу моментально потеряло работу? Их тут же повыгоняли с госслужбы, из армии, судов, высших учебных заведений, школ. Частники лишились клиентуры. Тысячи, я думаю, сотни тысяч людей остались без гроша в кармане. А эти костры из книг! У всех порядочных людей на устах слова Гейне: «Там, где сжигают книги, будут жечь людей».

Гедалья вынул платок и протер лицо. Он покраснел, руки его дрожали. Герберт предложил ему стакан воды.

– Лучше плесни коньяка. Поверь, Рихтер, это не временное явление, это только начало, поверь моему чутью наследника предков, бежавших триста лет назад из Испании.

Герберт молчал, он постукивал пальцем по лакированной столешнице стола и в задумчивости взирал на своего взволнованного партнера и близкого друга. Он никак не мог с ним согласиться. Но видел, что возражения любого толка не будут приняты Гедальей в таком состоянии. И еще в самой глубине своего сознания он улавливал неприятную зудящую струнку сомнения в своей уверенности. Розенштерн младше его всего на шесть лет. Он очень умен, очень силен как бизнесмен и финансист, и его успешность предполагает умение просчитывать ситуацию и в экономике, и в политике на много ходов вперед. При этом никак нельзя заподозрить этого сильного мужчину в паникерстве. Да, сегодня он был несколько перевозбужден, и Герберт действительно видел его в таком состоянии впервые, а это может означать, что грядут события, которые этот еврей предвидит лучше, чем он, и следует очень внимательно к нему прислушаться.

Словно уловив ход размышлений своего собеседника, Розенштерн продолжил:

– Давай поговорим, наконец, о деле. Все мои авуары к сегодняшнему дню сконцентрированы в моем филиале в Нью-Йорке. Я уверен, что теперь он станет основным подразделением нашей империи. И мой совет тебе: немедленно переведи все свои свободные средства в Нью-Йорк. К этому моему совету, я надеюсь, ты прислушаешься. Да, и немедленно не означает разовым траншем. Переводи частями с разных счетов, не вызывая повышенного внимания центрального банка. Тебе это может показаться чрезмерной мерой, но поверь, это лишь минимальная страховка.

Они прощались очень тепло, предчувствуя долгую разлуку, долгую, если не вечную.

Перед самым уходом Гедаля Герберт вернул Курта в кабинет:

– Попрощайся с господином Резенштерном! Ты все слышал, так что не стану тратить время на объяснения. Ты просто должен запомнить, с кем, в случае чего, тебе нужно будет связаться там, за океаном.

– Мы будем рады встретить вас в Новом свете, – Гедаля протянул Курту руку, – и поверьте, у вас не будет в жизни более преданных и надежных друзей, чем наша семья.

«Сегодня у меня день откровений», – эта мысль сопровождала Курта, пока он шел по мокрой брусчатке в сторону района Санкт-Паули.

Дождь лил с утра, не переставая, словно сам господь, смутившись поведением своих созданий, сжигающих написанное пером, стыдливо оправдывался, низвергнув на остывающие угли хляби небесные. Правда, он несколько запоздал, и дождевые потоки лишь превратили серый пепел, в котором смешались типографские краски и бумага – носители гениальных строк великих писателей, поэтов и ученых, – в серую грязь.

Курт шел на встречу со своим другом Йоганном Леманном в пивной бар на Репербан. Йоганн превратил этот бар в нечто вроде собственного офиса. Два-три столика в углу, вдали от репродуктора, заполняющего пространство вокруг себя оглушительной патриотической, в основном маршевой, музыкой, всегда были в его распоряжении. Вот и сейчас, когда Курт разглядел сквозь клубы табачного дыма этот дальний от входа угол, Леманн сидел в окружении нескольких крепких парней в форме СА. Сам он был одет в белые брюки и белую, поверх голубой рубашки, безрукавку. Йоганн явно пребывал в отличном расположении духа и не стал скрывать радости, увидев Курта. Он встал и обнял своего младшего товарища, усадив затем его рядом с собой, и тут же парни в коричневой униформе поднялись и, поприветствовав Леманна вскинутыми руками, покинули заведение. Было件нятно, что Йоганн рассчитал время и его предыдущая встреча действительно закончилась.

Леманн подозвал официанта, и через несколько минут к уже стоящим перед ними кружкам с пивом добавились ржаные сухарики в чесночном соусе, крендельки бретцель, посыпанные крупной солью, кубики сыра и две тарелки с вайссуurst – белыми мюнхенскими колбасками, окруженными холмиками тушеной капусты.

– Я тут уже два часа, ужасно проголодался, надеюсь, ты мне составишь компанию. С этими парнями, что были до тебя, поесть не получилось, нужно было произносить слова, не сочетающиеся с пережевыванием презренных сосисок и хрустом этих восхитительных сухариков, а тут все пропитано вкуснейшими и аппетитнейшими ароматами. Мне пришлось в связи с этим проявить необыкновенную выдержку, так что, – Леманн улыбнулся и подмигнул Курту, – за дело. Только не говори, что ты уже пообедал в вашем фамильном замке трюфелями с икрой.

Курт рассмеялся:

– Это так ты представляешь наше Рихтеровское меню? Дед – приверженец самой простой кухни: отварная картошка с селедкой и супчик с клецками, вот и весь обед. Но как раз сегодня я за обеденным столом не присутствовал, так что с удовольствием съем все, что тут нам принесли.

У Курта на самом деле рот наполнился слюной, так аппетитно выглядели угощения, и он на время забыл о том, что Йоганн собирался поговорить с ним о каких-то серьезных вещах. Они выпили, закусили сыром и принялись за горячие, еще дымящиеся колбаски, сопровождающая каждый отрезанный кусочек подцепленной на вилку коричневой, тушеной в утином жире, капустой.

Леманн первым очистил свою тарелку, закурил и, одобрительно поглядев на уплетающего за обе щеки Курта, заметил:

– Хороший аппетит – признак душевного здоровья. – Он стряхнул пепел в стоявшую перед ним тарелку и добавил: – Оно тебе понадобится сейчас, потому что мне придется объяснить некоторые вещи, касающиеся наших с тобой взаимоотношений.

Курт замер с вилкой, поднесенной ко рту.

– Нет, нет, ничего такого, что может испортить тебе аппетит. Ты доедай, – и Леманн поднял кружку, в которой плескалось еще на треть недопитого пива, – все позитивно, – и он с наслаждением опустошил ее до дна.

Курт замер на мгновение, но потом решил, что не стоит выказывать какое-то волнение, к тому же он действительно проголодался, а еда была такой вкусной, что он доел все до последнего кусочка и затем, сев поудобнее, приготовился выслушать все то, что Йоганн приготовил для него вслед за замечательным ужином. Но благостное настроение потихоньку стало улетучиваться, этому способствовало то выражение лица, которого прежде Рихтер у Леманна не наблюдал.

Йоганн стал очень серьезен, его профиль заострился, демонстрируя мраморную холодность. «Я, наверное, никогда не избавлюсь от оценки созерцаемых мной предметов, людей и животных с точки зрения художника», – подумалось Курту. Он ведь решил, что рисование – не его стезя, но вот от подобных ассоциаций увиденного с его изображением на холсте избавиться не получалось.

– Дорогой мой юноша! – Йоганн начал на одной ноте, он закурил вторую сигарету. – Я старше тебя не намного, на семь лет, но уже с трудом представляю себе, что чувствуют парни в восемнадцать, как они переваривают в своих мозгах всю информацию, доступную их глазам, ушам и... – он постучал себя по носу. – Поэтому я провел с тобой почти месяц в тесном общении и, кажется, понял, кто ты, чем интересуешься, как воспринимаешь действительность и как способен реагировать на эту, открывшуюся перед тобой новую, реальную жизнь.

«Вот и ответ на мой вопрос», – подумал Курт, вспомнив возникающие у него порой сомнения в искренности интереса Леманна к нему как к просто приятелю, другом он все-таки считать себя не решался. Он ничем не выдал своего удивления после этих первых, как было понятно, лишь вступительных слов Леманна, только крепче стиснул побелевшими пальцами поручни сидения. Почувствовав возникшее напряжение, Йоганн продолжил:

– Но, поверь, я был вполне искренен во все время нашего общения. Мне было и интересно, и комфортно с тобой, ты нравишься мне, иначе мы расстались бы в первую неделю знакомства. Но прежде, чем я выскажу тебе комплименты, перейдем к не прикрытой фиговым листком реальной картине сегодняшнего дня. Ты избегаешь разговоров на политические темы, но политика пронизывает все общество, и не только в Германии, но в сегодняшней Германии особенно. Тебе придется взрослеть и, поверь, быстрее, чем кажется. Никаких слюнявых рассуждений о психологии нежного юношеского возраста. История современного миропорядка тебе и миллионам твоих сверстников не оставит шанса укрыться в каком-нибудь межвременье.

Йоганн остановился, лицо его расслабилось, и он улыбнулся:

– Все-все, я лишь задал тон, не обращай внимания на пафос, нелегко после бесконечных митингов и встреч наподобие той, которую ты видел, когда подошел к нашему столу, вернуться к нормальной речи. Давай, действительно, перейдем к делу.

Итак, поговорим о тебе. Ты, Курт Рихтер, прибыл некоторое время назад в Германию, только-только освобождающуюся от либерально-коммунистических идей, из страны победившего большевизма. Как ты думаешь, как сложилась бы твоя судьба, будь твоими родственниками простые люди, пекари, лекари или коммивояжеры? Тобой бы занялась одна из спецслужб, кто-нибудь из ребят в СА или СС, и дальнейшая твоя судьба была бы под большим вопросом. Но тебя, парень, привез не кто-нибудь, а Ханс Ешоннек, один из видных функционеров в Имперском военном министерстве. А встретили тебя твои дед с бабкой, не печники и сапожники, а одни из самых богатых и влиятельных промышленников Германии.

– И поэтому, – наконец разлепил губы Курт, – мною занялся ты.

Йоганн рассмеялся:

– Только по собственному почину. Нет, в какой-то момент в моей организации кое-кто задал вопрос о том, что означает моя дружба с таким сосунком, как ты.

Курт вскинул голову, собираясь что-то сказать, но Йоганн, подняв вверх палец, остановил его.

– Дружба – это именно то, что, я предполагаю, возникло между нами, или у тебя есть возражения на этот счет?

Курт промолчал.

– Скажи мне, ты веришь в наш народ, в немцев как в великую нацию, в то, что Германия должна стать могущественной державой? Просто ответь, веришь и хочешь ли, чтобы так и было?

Курт ответил, не задумываясь:

– Верю! Конечно, верю.

Курт даже приподнялся.

– Я ведь, – он запнулся, – там, где мы жили с мамой и отцом, мы ведь изучали историю и, – с нажимом повторил, – историю нашей Германии, мы гордились принадлежностью к древнему немецкому народу. Вы тут для нас были как боги, недосягаемые, загадочные боги.

– Ого, какие слова! – Леманн легонько похлопал в ладоши. – Рад, очень рад такому искреннему порыву. Это замечательно! Ты любишь Германию, и это – главное. Нашей истории тысячи лет и впереди должно быть никак не меньше. Многое происходило с нами, менялись короли, менялись порядки, понятия, законы, но главное – это то, что немцы остаются немцами. Сегодняшний день преходящ. Нет, – Йоганн поймал удивленный взгляд своего слушателя, – он прекрасен, Германия возрождается, мы воодушевлены, мы на подъеме. Идет борьба за будущее страны, и тут возможны какие-то, как кажется на первый взгляд, перегибы, излишняя резкость движений новой власти, даже некоторая жестокость и даже несправедливость по отношению к каким-то группам граждан. Одним словом, нелицеприятные вещи.

Леманн искоса глянул на Рихтера.

– Ну вот, к примеру, сожжение книг. Видишь, ты опустил глаза, и там, на площади ты стоял молча, ты явно не одобрял народный порыв, ты ведь видел, каково было воодушевление молодежи, студентов, преподавателей, просто прохожих? В топку паровоза нужно что-то кидать, нужен огонь, который понесет этот паровоз вперед, он потянет за собой весь состав. Народу, людям нужен этот огонь как запал для разгона. Когда паровоз наберет ход, топить снова станут дровами, все успокоится, поверь мне. Да, кое-где побили жидков, всего лишь выпустили пар. Рождение новой нации всегда происходит с кровью. Всякое может случиться, будут и ошибки, но главное, – Йоганн взял Курта за плечо, – это то, что ты правильно ответил на мой главный вопрос – ты любишь Германию, и это основа твоего отношения к тому, что я пожелал выяснить. А теперь перейдем к частностям.

– У меня есть собственная система определения лояльности к сегодняшнему политическому устройству нашей страны, – Леманн щелкнул пальцами и поднял руку, приглашая Курта сконцентрировать на ней внимание, затем он максимально развел большой и указательный палец и прокомментировал, – вот так на наших митингах приветствуют речи ораторов, на всю возможную широту раскрыв в крике рот, истинные патриоты, – прищурившись, пояснил, – это я тебе сейчас демонстрирую рот той части публики, которая представляет из себя в основном искренних дураков и патологических болванов, лучший материал для рядового и сержантского состава нашей армии, – затем, сузив наполовину расстояние между пальцами, продолжил: – Так кричат те, кто привык прежде, чем отдаться с потрохами пропаганде и инстинктам, не самым, прямо скажем, цивилизованным, оглядываться, оценивать ситуацию и опираться не только на всеобщее воодушевление, но и на свои собственные чувства. Из этой группы

митингующих можно создать, если мы останемся в категориях армейских ранжиров, командный офицерский корпус. И, наконец, – Йоганн сомкнул пальцы, – в этой предполагаемой нами толпе ликующих болванов и осторожных умников можно заметить некоторое, очень небольшое количество тех, чей рот, – и Йоганн потряс сомкнутыми пальцами, – закрыт. Эту группу меньшинства я разделил бы на две категории. Первая – это те, кто сможет в конечном итоге возглавить массы, это генералитет, это аналитики, идеологи движения, и вторая, еще меньшая часть, – это враги режима.

Курт почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Он провел рукой по лбу, не в силах скрыть волнение. Он понимал, к чему клонил Леманн, но не был уверен, к какой категории из тех, чей рот был закрыт, отнесут его. Да, он никак не участвовал в голосовой какофонии, сопровождавшей пламя костра, в котором сгорали книги. Но ни генералом, ни идеологом себя не представлял, тем более и врагом Германии не то, что не ощущал, его возмутило само возможное предположение Леманна в таком обвинении относительно него, Курта Рихтера. Он неожиданно для себя произнес вполголоса:

– Я – патриот. Но по-твоему, – он обратился к Леманну, – получается, что патриоты – болваны, но я-то не болван, а как же тогда с патриотизмом?

Йоганн с интересом наблюдал за мимическими переменами на лице юноши и не торопился прервать этот занимательный процесс. Он заказал еще пива и, когда кружки принесли, поднял свою и провозгласил тост:

– Выпьем за истинный патриотизм, не тот, который снаружи – крикливый и конъюнктурный, а тот становой, который живет внутри нас и опирается на тысячелетнюю историю нашей родины, Германии, сути и золотника немецкого духа.

Курт снова почувствовал озноб. Йоганн редко бывал так серьезен и такие выпренные фразы, обращенные не к его традиционным сподвижникам, парням с горящим взглядом и луже-ными глотками, а к нему, к Курту Рихтеру, не произносил. Тут все было по-настоящему. Леманн стиснул ручку пивной кружки так, что побелели костяшки его пальцев, только что Рихтер так сжимал поручни своего кресла, и Курту захотелось поскорее выйти из этого эмоционального напряжения. Он вдруг почувствовал невероятную усталость, словно ему пришлось вынести какую-то большую физическую нагрузку. Пиво как раз удачно подошло для того, чтобы сменить накал страстей на обычное, вполне добродушное действие. Холодное, оно остужало, пить его можно было долго, и это давало некоторое время на то, чтобы успокоить мысли, привести их в порядок и даже повеселеть. Видимо, к таким размышлениям пенистое светлое подвинуло и автора проникновенного тоста.

Леманн, с удовольствием осушив кружку, расслабился и уже другим, прежним, привычным полушутливым тоном продолжил свою приготовленную для Курта беседу:

– Теперь по поводу моей черной формы, – он игриво потрепал край своей белоснежной безрукавки, – люблю контрасты в одежде, ты как будто каждый раз другой человек, – но тут же посерьезнел, – милый мой, эта форма – наше с тобой будущее. Ребятам Рэма скоро конец.

На удивленный взгляд Курта пояснил:

– Нет, точными сведениями не обладаю, и запомни, все, о чем мы с тобой говорим, должно строго оставаться между нами. Я выбрал тебя, – тут Йоганн сделал паузу и потянулся за очередной сигаретой, но закуривать не стал, оставил ее в руке, разминая пальцами туго набитую табаком гильзу, – потому что убежден, на тебя я смогу положиться и сегодня, и всегда, – Йоганн хитро прищурился и, слегка наклонив к правому плечу голову, низким голосом произнес: – К тому же, ты у меня на маленьком, но очень остром крючке.

Он рассмеялся, притянул Курта к себе и прошептал ему на ухо:

– Шучу я, шучу, мне же положено по статусу всех на крючке держать. Так вот, штурмовые отряды свое отработали, и Рём ведет себя так, будто считает себя равным Адольфу и его приближенным. А это не так, у меня все-таки и некоторая информация имеется, но главное

чутье, им скоро конец! А вот СС – это другое дело. Это структура, выросшая из личной охраны Гитлера, он доверяет ее руководству, а так как я убежден, что за Адольфом будущее, то и принадлежность к ним, и моя замечательная форма поможет добиться тех целей, которые я для себя определил.

И, не дав Курту, уже приготовившемуся, задать вопрос, обозначил эти цели:

– Это – государственная карьера.

Леманн развел руки и дурашливо закончил:

– Да, мой милый юноша, я карьерист и считаю, что в этом и заключается мой патриотизм. Добившись высокого положения в обществе, я смогу самым благотворным образом влиять на судьбу моей родины. Логично? – и он, наконец, прикурил от толстой серной спички.

Курту вдруг страстно захотелось закурить, но, во-первых, он, не имея к этому привычки и опыта, понимал, что может позорно закашляться и, во-вторых, проявит чрезмерное волнение, а этого показывать ему и вовсе не хотелось. Поэтому он подозвал официанта и заказал еще кружку пива, решив, что если даже опьянеет, это будет вполне гармонично выглядеть после такого потока информации, непростой и даже опасной информации. Он чувствовал, что его положение поднимается на новую, высшую ступень взрослости, ответственности и престижа. Это было заманчиво, увлекательно и опасно. В этом был какой-то неосознаваемый им по-настоящему риск, но он будоражил кровь и заливал адреналином голову. Последующие слова Леманна только утвердили Курта в этом ощущении перехода на иной уровень доверительности со стороны его старшего товарища и, значит, новых горизонтов в их отношениях.

Леманн придвинул свой стул поближе к Курту, и когда тому принесли очередную наполненную пивом кружку, положил на нее руку:

– погоди, я скажу тебе кое-что еще, а потом вместе выпьем и выпьем чего-нибудь покрепче. Мое предложение к тебе касается некоторого отдаленного будущего, сейчас ты слишком молод и находишься на содержании своих знаменитых родственников. Пока ты в университете, учись, веди себя тихо, все наши сборища – это не для тебя, посещай их, только когда никак не сможешь отказаться. Я буду тебе в этом помогать, всегда найдется уважительная причина избежать необходимости прятать выражение твоего честного лица от окружающих сексотов. Если обстановка накалится, а у меня присутствует абсолютная уверенность в том, что это произойдет, пусть дед отправит тебя в какой-нибудь ваш филиал за границей. Возможно, случится война.

Курт поднял голову. Йоганн успокаивающе поднял руку:

– Это лишь предположение, но вероятность такая существует. В таком случае нашей задачей будет пережить все это с наименьшими потерями. Рано или поздно Германия вольется в спокойное русло буржуазного образа жизни, вот тут мы с тобой и займемся делом. У меня нюх, – и Йоганн постучал указательным пальцем по своему носу, – у меня пробивные способности, и у меня будут самые обширные и глубокие связи в мировом сообществе деловых людей. Ты умен, честен и стабилен, я имею ввиду твою психологическую устойчивость, проведя с тобой эти несколько недель, я могу уверенно об этом говорить. Ну и, наконец, ты – наследник впечатляющей бизнес-империи. По моему разумению, мы нужны друг другу приблизительно в одной и той же пропорции.

Леманн подозвал официанта:

– Принеси нам, милый, русской водки, – и со значением посмотрел на Курта.

Когда официант отошел от их стола, он продолжил:

– Конечно, я говорю об отдаленной во времени перспективе. Это займет несколько лет. И я вовсе не имею в виду тот момент, когда не станет твоего деда или, скажем, он сам пожелает уйти на покой, оставив все единственному наследнику. К тому же я всегда помню о вашем родственнике Ешоннеке. Но этот парень всегда будет военным человеком, не в его интересах какие-то дела с бумагами, бочками с соляной и железом для корабельных корпусов. Все, что я

сказал тебе сегодня, всего лишь набросок моего плана о будущем нашем с тобой содружестве. Но, можешь мне поверить, мои намерения сбываются. И я для тебя – деталь в жизни важная, – Йоганн улыбнулся, – даже жизненно необходимая. Я смогу отвести тебя от края пропасти, в которую свалятся в ближайшие годы почти все те, у кого при определенных обстоятельствах при виде того, что происходит вокруг, возникает такое же, как у тебя, выражение лица, такими же становятся глаза, и такие же слова готовы сорваться с честных и благородных уст.

Принесли водку. Йоганн поднял свою рюмку и подытожил:

– Ты подумай о том, что я сказал, и как-нибудь, когда тебе захочется этого, сообщи о том, что ты со мной, и не на день, месяц или год, а навсегда.

Курт смотрел на Леманна, и ему казалось, что лицо этого красивого, умного, такого серьезного парня в этот момент светилось каким-то внутренним светом. И Рихтер оттого, что копившееся напряжение от ожидания непредсказуемой, скрытой опасности миновало, ответил, подняв свою кружку, чересчур импульсивно:

– А мне не нужно время для размышлений, вот тебе моя рука!

И в ту же секунду, когда его ладонь только начала свое движение в сторону поднявшегося навстречу Леманна, Курт пожалел о такой мальчишеской восторженности. Но Йоганн сумел сгладить эту неловкость встречной фразой. Она прозвучала искренне, избежав какого бы то ни было налета привычной для Леманна шутливости:

– Поверь мне, мальчик, я очень высоко ценю твое расположение ко мне. И запомни, Йоганн Леманн не нарушит слова, произнесенного за этим столом, считай это моим обетом верности.

Леманн действительно останется верен своим словам во всей долгой истории их союза, протяженной сквозь десятилетия драматических событий.

Но в этот вечер разговор со своим юным другом он еще не закончил. Они заказали еще пару пива и, посмотрев на захмелевшего Рихтера, Йоганн тронул еще одну тему:

– Как тебе Ирма?

Курт удивленно посмотрел на Леманна:

– Я видел ее меньше пяти минут.

– И все-таки?

Курт замялся:

– Что ты хочешь от меня услышать? Она симпатичная, – и он повертел в руках пустую рюмку, – но, по-моему, слишком много о себе воображает. И потом, мне не понравилась фраза про какое-то множественное число приведенных тобой к ее величеству недотеп.

Леманн рассмеялся:

– Это она совсем другое имела в виду. Я действительно знакомил ее несколько раз с ребятами, которые в мужском кругу обсуждали возможность подкатить к ней с предложением заняться любовью на задней парте в какой-нибудь пустой аудитории, и некоторые из них утверждали, что это не проблема.

Она, видишь ли, нравится многим, ты просто не разглядел ее или стесняешься мне признаться в том, что она произвела на тебя впечатление. Я и сам к ней подбивал клинья, и знаешь, что она мне ответила, когда я спросил, не хотела бы она вечером выпить со мной чашечку кофе в моей студенческой берлоге, и добавил, что соседей не будет до глубокой ночи? «В вас, – она меня на вы всегда звала, – процент холода значительно превышает процент тепла, меня такой баланс не устраивает, так что кофе выпить в вашей берлоге я могу, но это нас с вами не приведет в постель». И так, знаешь, посмотрела, что я обратил все в шутку и больше предложений на кофейную тему не делал. А я, как ты понимаешь, не простой перец. Так что этих уха-жеров я к ней подводил с подвохом, познакомьтесь, мол, поближе. В последующем эти темы «Ирма» больше не касались, а если кто-то задавал им вопрос по этому поводу, переводили разговор на другую тему.

– Да, но причем тут я? Ведь я-то ни с кем ее не обсуждал, и если встречал в университете, то и в мыслях не было задумываться о студентке старшего курса.

– Понимаешь, мне кажется, вы подходите друг другу, чутье, – и Леманн снова постучал себя по носу, – впрочем, раз так повернулись наши с тобой отношения, буду честен, с этого вечера между нами все должно быть прозрачно, никаких темных мест. Постели мы с этой девочкой избежали, а друзьями довольно близкими стали. Мне хотелось от нее услышать о впечатлениях по твоему поводу, она тонкий человек, природный психолог и женщина, в лучшем смысле этого слова. Но теперь, даже если она решит поделиться этими впечатлениями со мной, ты об этом будешь знать.

– Йоганн, с чего ты так уверен в том, что у меня с этой черноволосой девчонкой все сложится и мы станем друзьями, или даже...

– «Или даже» станете обязательно, станете. Давай на бутылку хорошего французского коньяка поспорим. Ты в нее влюбишься, и когда это произойдет, честно мне об этом сообщишь.

Курт от удивления открыл рот, но произнести ничего не смог, они оба были уже в приличной стадии опьянения, и Леманн, глядя на обескураженное лицо своего собутыльника, искренне и весело рассмеялся.

– Да, и из французских, запомни, предпочитаю Remy Martin.

Курт постарался собраться и, старательно выговаривая слова, задал вопрос, демонстрируя его серьезностью то, что хмель не овладел им в полной мере:

– Хоть что-то о ней сообщи, какие-нибудь подробности, – и, посчитав удачным свое выступление, выпрямился в кресле, гордо задрал подбородок.

Но Леманн развеял его попытку казаться крепким выпивохой:

– Да ты, братец, того, тебе бы под холодную воду лицо сполоснуть.

И Курт послушно отправился в туалет. Вода из-под крана действительно помогла прояснить сознание, он раз за разом подставлял ладони под ее тугую струю, плескал себе в лицо и ощущал такое удовольствие, что никак не мог закончить эту водную процедуру. Наконец, когда он вернулся к столу и выпил ожидавшую его чашечку крепчайшего кофе, Леманн выполнил его просьбу.

– Итак, коротко об Ирме. Лучшая на факультете истории и философии. Спортсменка, занимается гимнастикой, выступает на федеральных соревнованиях. Имела длительную связь с довольно известным художником, к сожалению, евреем.

Курт встрепенулся:

– Послушай, ты уже несколько раз говорил об евреях так, как пишут в некоторых радикальных изданиях и кричат на перекрестках как раз те, кого ты называешь идиотами. Я надеюсь, что сам ты так не думаешь, что тебе лично эти евреи сделали плохого?

– Вот-вот, я же говорю, тебя один на один с обществом оставлять ни в коем случае нельзя. Евреи не интересуют меня как отдельные индивидуумы, и меня, и патриотическое движение евреи интересуют как явление. Они олицетворяют своим национальным единением, тем, что мы определяем как еврейский дух, своей философией и религией, угрозу немецкой исключительности. Не они, а мы избранные господа, не в них, а в нас сила истинного духа. Запомни, так должен рассуждать каждый немецкий даже не патриот, просто лояльный гражданин, лояльный к нынешнему курсу выбранного народом лидера, лидера, которого поддерживает подавляющее число жителей Германии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.